

A man with long, wavy red hair and a light beard stands on a rocky coastline. He is wearing detailed medieval-style armor, including a dark tunic with a fur collar, a chainmail vest, and leather armor with metal studs. The background shows a vast blue sea under a cloudy sky, with a large rock formation visible on the left.

Елизавета Дворецкая

Дракон
Восточного моря.
Книга третья

Корабль во фьорде

Елизавета Дворецкая

Дракон восточного моря. Книга 3

«Автор»

Дворецкая Е. А.

Дракон восточного моря. Книга 3 / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
— (Корабль во фьорде)

Каменный Трон – исполинское кресло из камня, с которого когда-то сам бог Луг озирает подвластные ему Зеленые острова. Но теперь Каменный Трон свободен, а у подножия его кипит борьба: заморские пришельцы и местные уроженцы, обычные люди и бессмертные жители Иного мира сражаются за обладание островами. У ступеней Каменного Трона встречаются Бьярни, бывший сын рабыни, а ныне внук короля Миада, и Торвард конунг, которому Бьярни должен мстить за гибель братьев. Казалось бы, на Зеленых островах Бьярни добился всего – славы, почеты, военных побед, любви прекрасных женщин. И в тот миг, когда он уже ставит ногу за ступеньку священного трона, приходит время ответить себе: этого ли он хотел? Или то, чего он искал за морями, и раньше было с ним?

© Дворецкая Е. А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елизавета Дворецкая

Дракон восточного моря,

кн.3. Каменный Трон

Глава 1

Торвард конунг ошибался, когда предполагал, что бежавший из плена Бьярни со своей дружиной все еще остается на острове. О том, чтобы попытаться забрать свой корабль, Бьярни даже не думал, но покинуть остров Клионн намеревался как можно быстрее. Чтобы по-настоящему обрести свободу, выбраться из погреба было мало: пока кварги остаются на Клионне, где сейчас хозяин – Торвард конунг, они все еще в плену, только темница стала несколько просторнее.

– Остров большой, можно и в лесах пересидеть, – утешал Бьярни свою дружину, стараясь подбодрить людей. Сам он, оказавшись наконец снова на воле, чувствовал воодушевление и трудностей не боялся. – Дичи много, прокормимся как-нибудь.

– А ловить эту дичь будем чем – руками? – хмуро отвечал Ульв.

Действительно, из всего прежнего богатства кварги теперь имели только то, что на них надето, – хорошо еще, что на их башмаки фьялли не польстились. На каждом теперь были только штаны и рубаха, даже пояса сохранили лишь те, у кого они не были украшены серебром. Ни о каком оружии, понятно, даже речи не шло.

– Придумаем что-нибудь! – Бьярни отмахивался. – Попросим у людей. Фьялли все остались в бруге и на побережье возле своих кораблей, в глубине острова они бывают только наездами, и мы можем спокойно зайти в любую деревню. Купить хлеба нам не на что, но, может, какой-нибудь лук удастся одолжить.

– А чем заплатим?

– Тебя в рабство продадим! – Бьярни вышел из терпения. – Ульв, возьми себя в руки! Мы на свободе, мы не сидим в погребе и не едем на рабский рынок, надо плясать от радости. А ты нудишь и ноешь, будто старуха, разбившая горшок! Главное – мы живы и на свободе, а остальное наладится как-нибудь!

Говоря это, Бьярни, должно быть, открыл в себе провидческий дар. К утру кварги ушли уже довольно далеко от бруга Айлестар, и тут им невероятно повезло: на опушке леса они наткнулись на овцу, которая паслась сама по себе, без стада и пастухов.

– Наверное, когда грабили, от стада отбилась, недоглядели, – предположил Кари Треска. – Ну вот, мы и с пищей!

– Чем бы только ее разделать? – Ивар хёльд озадаченно почесал в затылке. – Ножа ведь ни у кого нет? – безнадежно спросил он.

Разумеется, ножа не было: даже маленькие ножи, используемые за столом и для прочих таких надобностей, фьялли у пленников сразу отобрали.

Но раздобыть нож в населенной местности все-таки легче, чем овцу. Когда солнце поднялось, Бьярни пошел в ближайшую деревню и принес оттуда нож, выменяв его на свой собственный пояс с бронзовой пряжкой. К счастью, пряжка была подарком Элит и вышла из рук уладского кузнеца, так что ни по виду, ни по речи в Бьярни не опознали сэвейга.

А сэвейги здесь уже побывали: не сам Торвард, но дружина кого-то из прибывших к нему вождей. Назвать свое имя местным жителям он не удосужился, но из деревни его люди забрали все ценное: запасы льна, лучшие шкуры, несколько серебряных изделий и шесть самых

красивых молодых женщин. Большинство скота угнали, поэтому местные жители сами перебивались рыбой и дичью.

Когда, разложив костер на лесной поляне, кварги разделали овцу, поджарили мясо и наелись, жизнь стала казаться значительно веселее. После этого Бьярни и Кари сходили вдвоем в другую деревню, стоявшую на побережье и населенную рыбаками. Здесь Бьярни раньше не бывал, но о нем, новом родиче рига Миада, здесь знали. О судьбе Элит рыбаки, конечно, никаких сведений не имели, но, когда Бьярни объяснил, что должен как можно скорее попросить помощи на других островах, чтобы изгнать захватчиков, ему согласились помочь.

Пообещав в уплату шкуру той самой овцы, Бьярни договорился с рыбаками, что его вместе со всей дружиной перевезут на остров Ивленн. Предприятие было не вполне безопасным: самый далекий из пяти островов, Ивленн лежал отсюда в целом дне пути, и идти туда нужно было вдоль длинной цепочки мелких островков.

– Оно опасно, если вдруг буря или еще какая непогода, – рассуждали рыбаки, одетые только в длинные рубахи с разрезом на груди и обутые в башмаки из пестрой, черно-белой коровьей шкуры волосом наружу. – И так у нас тем ураганом все куррахи в море смыло, госпоже Муир Мэр, стало быть, они понадобились. Только-только мы новые справили, а если с этими что случится, то новых нам уж взять негде – коров-то из Кеан-Клоха, слышь, лохланнцы угнали, нету больше шкур-то...

– Когда мы их прогоним, я вас отблагодарю, – только и мог пообещать Бьярни. Кроме обещаний, хоть и самых искренних, ему сейчас было нечего предложить.

Путь, вопреки надеждам, занял целых три дня – море волновалось, дул встречный ветер, и кварги, усердно налегавшие на весла, едва помнили себя от страха – уладские куррахи казались им слишком хлипкими, ненадежными и неустойчивыми. Один из них действительно перевернулся – хорошо, что до берега было недалеко, так что никто не утонул и даже сам куррах его хозяин сумел довести до скалистого островка. На этом островке и заночевали в первый раз – развели огонь, чтобы обогреться и обсушиться, доели остатки овцы. Правда, за ночь порядком продрогли: на островке не росли деревья, лишь какой-то кустарник, а набранный у берега древесный мусор, принесенный волнами, пришлось беречь на утро, чтобы приготовить еду. На ночь хозяева куррахов забросили в море сети и утром сварили рыбную похлебку в помятых медных котелках.

И вот под вечер третьего дня впереди наконец показались сперва вершины гор, а потом и зеленые равнины острова Ивленн. Бьярни знал, что правят здесь родные братья, сыновья прежней королевы Айлен – Фиаха и Фиахна. С ригом Миадом они состояли в родстве, хотя и несколько условном: сестра их матери была одной из жен знаменитого Форгала Быстрооружного, но давно умерла, и потомства этот брак не оставил. Тем не менее Бьярни надеялся, что братья-короли не откажут острову Клионн в помощи против захватчиков. Ведь мало кто сомневался, что фьялли, покинув Клионн, доберутся и сюда – уж их-то огромным морским кораблям ветер и волны не служили препятствием. А если не в этот год, то уж наверняка на следующий. Ведь легкие победы над островами наверняка и на будущий год вызовут в конунге фьяллей жажду добычи и славы.

Переночевав, рыбаки получили обещанную шкуру и наутро уплыли восвояси. Двадцать восемь кваргов остались на пустынном берегу, из всего нужного снаряжения имея один нож на всех.

– Идемте, нечего рассиживаться, – сказал Бьярни. – Нам нужно как можно скорее добраться до жилья, а если получится – найти королей. Уж они не откажут нам в гостеприимстве, так что чем скорее мы до них доберемся, тем скорее как следует поедим.

Никакая самая возвышенная речь не смогла бы лучше вдохновить кваргов и наделить силами для трудного пути. Главная беда состояла в том, что никто не представлял, где искать королей, а спросить оказалось не у кого. Остров Ивленн был довольно велик, но Бьярни даже

не знал, насколько именно. Шагая впереди своей дружины вдоль берега, он гнал от себя мысли, что они, возможно, идут не в ту сторону. Вдоль моря бежали тропинки, протоптанные скотом, но ни одного человека, чтобы спросить дорогу, на пути не попадалось.

Из еды в этот день удалось найти только землянику: на солнечных полянках она росла в изобилии, но разве горсточка ягод – это еда для изголодавшихся мужчин? Близилась ночь, животы подводило от голода, а вокруг по-прежнему было пусто. Рощи сменялись лугами, но никакого жилья не показывалось, и кварги уже понимали, что, скорее всего, эту ночь проведут под открытым небом и с пустыми желудками.

– Уж попался бы мне сейчас хоть заяц какой-нибудь, я бы его сырым съел! – бормотал Ульв на ходу. – Со шкурой и с костями!

Бьярни, хоть и старался держаться уверенно, тоже чувствовал, что изнемогает. Те, кто в последней битве был ранен, уже едва переставляли ноги, Свейн Лосось опирался одной рукой на палку, другой – на Вегейра Прыткого, и то уже заметно отставал.

– Отдыхаем, – сказал Бьярни.

Он понимал, что если не дом, то хоть какой-то еды для людей раздобыть надо, иначе завтра мало кто сможет идти дальше и им останется только умереть здесь. Тогда уж лучше было не вылезать из того погреба!

– Да куда же все подевались, тролль их раздери! – выругался он.

– А может, фьялли тут уже побывали? – предположил Кари. Воспитатель еле стоял, невольно держась за сердце; его волосы растрепались, дышал он со свистом и выглядел еще старше, чем был. – Может, всех уже свезли на рабский рынок?

– Но деревни должны были остаться! Даже если бы их сожгли – остались бы пожарища. А здесь просто пустыня!

– А может, это и не Ивленн вовсе, – осторожно предположил Фарульв Умный. – Может, мы того... ненароком забрались в Иной мир?

Бьярни только обернулся к нему, чтобы достойно ответить на это неуместное предположение, – и замер.

От опушки ближней рощи на холме к ним приближалась молодая девушка с лицом и внешностью Элит. Но в этот раз Бьярни, хоть и вздрогнул при виде нее, даже мысли не допустил, что это на самом деле может быть его сестра. На девушке была белая рубаха со складками, зеленый плащ с золотой бахромой, а обувью ей служили башмачки с подошвой из какого-то диковинного светлого металла. Две большие пряди волос красиво обвивались вокруг головы, третья спускалась по спине почти до колен; золотистые волосы сверкали в последних лучах заходящего солнца ярким багрянцем. В руках она несла большую золоченую чашу, до краев полную каким-то напитком.

– Приветствую вас на нашей земле, о достойные и благородные мужи! – сказала она голосом Элит, подойдя и остановившись прямо перед потрясенными зрелищем кваргами. – Близится ночь, а вы проделали долгий путь и устали. Позвольте пригласить вас в бруиден, и там у вас не будет недостатка ни в горячей пище, ни в сладком меде, ни в хмельном эле, ни в приятной беседе, ни в мягких постелях.

– Элит! Вот так встреча! – загомонили изумленные кварги.

– Откуда ты взялась?

– Как ты сюда попала?

– Тихо! – прикрикнул Бьярни. – Это вовсе не Элит.

Все озадаченно примолкли, рассматривая девушку и недоумевая, как же тут можно было ошибиться. Уж кого, как не Элит, дочь Форгала и внучку Миада, им знать в лицо, если в ее доме они прожили последние два месяца?

– Это снова ты? – тихо спросил Бьярни, пристально глядя в лицо с такими знакомыми чертами, за которыми ему сейчас отчетливо виделась совсем иная душа, чужая, если не сказать чуждая. – Ты меня больше не обманешь.

– Это снова я, – так же негромко ответила девушка. – Ты узнал меня? А я вовсе не пытаюсь тебя обмануть.

– Надеюсь, есть только одна... одно существо, способное принимать облик моей сестры.

– Многие из нашего рода способны принимать чужой облик. Но со мной ты и правда встречаешься не в первый раз.

– Что тебе от нас нужно?

Бьярни не решался спросить, кто же она такая на самом деле, а может, боялся услышать ответ. С настоящей Элит он не раз обсуждал то происшествие в лесу, перед высадкой фьяллей на Клионне. Сам-то он поначалу думал, что в облике его сестры к нему являлся сам король Боадаг, чтобы использовать Бьярни как приманку для Элит. Ему ведь совершенно все равно, принять облик мужчины или женщины, животного или какой-либо вещи. Но ведь девушка с ее внешностью появилась тогда в бруидене *одновременно* с Боадагом – ведь не мог же он раздвоиться. Впрочем, Бьярни охотно поверил бы, что королю Иного мира ничего не стоит раздвоиться, отвести глаза или как угодно заморочить своих невольных гостей. Но ведь девушка с внешностью Элит, так своевременно появившись, сама обманула и отвлекла Боадага, дав Бьярни и Элит возможность выбраться из бруидена, причем через дверь, ведущую в мир людей. Она помогла им, пусть и неизвестно из каких побуждений. Помня об этом, Бьярни, хоть и не доверял ей, все же не считал ее своим врагом.

– Сейчас я хочу лишь помочь вам, ибо вы несомненно нуждаетесь в помощи, – ответила она, глядя на него серыми глазами Элит. – Поверь мне, и ты не будешь обманут, клянусь тебе именем моего отца, короля Тетры.

У Бьярни упало сердце при этих словах, хотя он и сам подозревал нечто в этом роде. Тетра, иначе Боадаг, – все это имена короля Иного мира, называемого Лет-Н-Айл. Его населяет народ сидов, и именно из этого народа происходит его странная знакомая, которую он уже второй раз видит в облике своей сестры. Она – дочь Боадага. Но чего она хочет?

– Последуй за мной без страха в сердце героя, – мягко продолжала девушка. – Я готова оказать вам те услуги, в которых вы нуждаетесь.

– Но где же твой дом?

– Да вон же он! – Она слегка обернулась и показала на склон холма, где действительно виднелось какое-то строение. Почему-то раньше никто его не замечал. – Прими от меня этот кубок в знак нашей дружбы!

С этими словами она подала Бьярни золоченую чашу. В чаше было пиво, свежее, с непривычным, но очень приятным вкусом. Бьярни хоть и знал, что из рук сидов не стоит принимать еду или питье, отказаться не смог: мягкое сияние серых глаз завораживало его, погружало в состояние покоя и безопасности, понуждало просто делать то, что предлагают, и ни о чем не думать самому. После всех превратностей и волнений это было очень приятное состояние, и Бьярни погружался в него, как в мягкую перину.

Он выпил и вернул ей чашу. У него кружилась голова, а под ногами вместо земли вдруг очутились облака, но это было так приятно, что он даже улыбнулся, глядя, как вслед за тем девушка подает чашу Ивару хёльду, угадав, что именно этот человек – второй по положению после самого вожака. Кувшина у нее с собой не было, а Бьярни свое пиво выпил до дна, однако чаша опять оказалась полна.

– Идемте же! – Девушка приглашала их так радушно, словно именно их-то и ожидала целый год. – У моих сестер уже готов пир, кубки налиты и мясо стынет на столах!

Ульв, такой же изумленный, разом потерявший всю свою ядовитость, как замороженный первым потянулся за девушкой, и все кварги, даже те, кто еле доплелся до этого места, пошли за ним и за своей прекрасной вожатой, позабыв о ранах и усталости.

Поднявшись немного по склону холма, они оказались перед просторным красивым домом без какой-либо стены или ограды вокруг него. И все сразу его узнали – именно в этом доме они провели ночь еще там, на Клионне, перед нашествием Торварда конунга. Те же были ореховые кусты, и источники под ними, и лососи, плавающие в источниках и глотающие орехи.

– Но как это возможно? – Изумленный Бьярни повернулся к спутнице. – Ведь этот бруиден находится на Клионне!

– Бруиден моего приемного отца находится на перекрестке между миром людей и Иным миром, – поправила та. – И он появляется там, где сейчас нужен. Входи же.

Внутреннее убранство дома ничем не отличалось от того, что кварги видели в прошлый раз, зато среди его хозяев произошли заметные изменения. Вместо мужчины в красной одежде гостей встретили еще шесть девушек, так же нарядно одетых в белые рубашки с широкими складками, заложенными за драгоценные пояса, в разноцветных плащах с золотой бахромой, с золотыми ожерельями на груди. Все они были красавицами – светловолосые, с голубыми глазами и румяными, как шиповник, щеками, и каждая держала в руках золотую чашу.

– Привет вам! – Одна из них выступила вперед. – Славно вам будет у нас, так пусть и нам будет хорошо с вами!

– Привет и вам! – вымолвил Бьярни, ошарашенный всем этим. – Кто вы, девушки?

– Я – Эалайд, а это мои сестры – Киарнайт, Грайне, Тальтиу, Тлахтга, Эблиу и Ригру, все мы дочери короля Тетры. Просторен наш дом и радость ждет путника под нашим кровом!

Сначала их отвели в баню, и там кварги увидели новое чудо: горячие камни сами собой выпрыгивали из очага и падали в воду; отдав же ей свое тепло, сами выбирались из воды и снова прыгали в огонь. И сколько ни горел огонь, никто не подкладывал в него дров, а он не гас. Всем гостям дали по новой чистой рубашке, а потом усадили за столы. Над очагом жарилась огромная свинья, и сколько от нее ни отрезали, сколько ни съедали оголодавшие кварги, не веря своему счастью, мясо не убывало и туша оставалась целой. Девушки сами обносили гостей едой и пивом, приветливо отвечали на каждый вопрос, вот только понять, что же они говорят, кваргам удавалось так же плохо, как в начале.

На балках дома сидели бесчисленные белые птицы, попарно скованные цепочками из червонного золота.

– Что это? – спрашивали кварги, а девушки отвечали:

– Это птицы Рианнон, и поют они такую прекрасную мелодию, что не остается в том, кто ее слышит, ни горя, ни печали, ни заботы, ни жалобы.

Птицы, в самом деле, пели так сладко и приятно, что кварги уже не помнили даже, зачем приплыли на этот остров. Наевшись и напившись, они только слушали, и души их наполнялись блаженством. Одна из девушек, как заметил Бьярни, подошла к Ульву и о чем-то заговорила с ним, усевшись рядом и взяв его за руку.

Обернувшись, он снова увидел возле себя девушку в облике Элит. Эалайд – такое ее настоящее имя. Во всяком случае, она так сказала...

– Я знаю, что ты о многом хочешь меня спросить, и я о многом хочу тебе поведать, – сказала она.

– Уж это точно, – согласился Бьярни. – Почему ты приходишь в облике моей сестры? В тот раз ты хотела обмануть меня и завлечь в этот дом, но почему теперь то же самое?

– В тот раз мой отец попросил меня помочь ему. – Эалайд улыбнулась. – И я помогла – сначала ему, как велит мне долг дочери, а потом тебе, как приказало мне мое сердце. А сейчас... Судьба моя такова, что вот уже несколько лет я живу под грузом тяжелой беды. Приходится мне являться к людям в чужих обликах, наиболее им милых, ибо нет у меня своего.

– Нет своего? – Бьярни сначала не понял, а потом похолодел. – Что? Ты...

Что же ты за ужасное существо из бездны, если у тебя даже нет своего облика? – хотел он спросить, но не смел. И в то же время его собеседница не казалась опасной, и никакой угрозы Бьярни не ощущал. Глаза Элит смотрели на него с выражением спокойной, немного печальной мудрости, какой никогда не было у настоящей Элит, и Бьярни чувствовал, что разговаривает с существом гораздо более старым, если не сказать древним. Нежная дева, сидевшая возле него, была старше, чем самые дряхлые старики, которых ему случалось видеть, старше, чем кряжистые дубы.

– Нет же, нет! – Она снова улыбнулась и мягко прикоснулась к его плечу, словно хотела успокоить. – У меня был свой облик, и не менее прекрасный, чем любой из тех, что тебе доводилось видеть. И у меня были глаза, подобные капле солнечного света на вершине дерева, и стройный стан, радующий взоры мужчин. – При этом она смотрела в глаза Бьярни с таким значением, что ему становилось неловко и жутковато. – Но мой облик украден.

– Украден?

– Да. Есть в нашем племени одна женщина, совершившая это злое дело. Ее имя – Этайн, и она дочь колдуна по имени Кадарн Серая Шкура.

Бьярни уже знал, что именем Этайн на Зеленых островах называют тех, кого лучше совсем не называть: оно означает нечто вроде «вон та», то есть это и не имя вовсе.

– Она была замужем за одним могущественным и знатным воином нашего племени, – продолжала Эалайд. – Его звали Труаг, и был у него сын по имени Эохан. Страсть к пасынку проникла в сердце Этайн, и она совратила его, вынудила бежать от отца и мужа. Труаг в гневе сложил для нее песнь позора, и на лице Этайн появились три нарыва. Ей грозила смерть, но ее отец спас дочь от горя и гибели. Своими чарами он похитил мой облик и передал его ей, а мне... – Эалайд опустила голову и вздохнула. – И с тех пор живу я под чужими обликами, ибо не могу вернуть свой. Этайн и ее отец, опасаясь гнева и мести Труага, покинули Лет-Н-Айл и скрываются в мире людей. А мне приходится жить в бруидене моего приемного отца, ибо не могу я вернуться в дом Тетры под чужим обликом. И все эти годы я ждала, пока появится человек, чистый сердцем, отважный и неподвластный чарам, который поможет мне вернуть мой облик.

– И ты думаешь, что это смогу сделать я? – с сомнением спросил Бьярни.

Он чувствовал некоторое смущение. С одной стороны, он хотел помочь этой женщине, но не верил, что сумеет, да и до того ли ему сейчас? Ему бы со своими делами разобраться...

– Я знаю, что за мысли тревожат тебя. – Эалайд снова улыбнулась и мягко погладила его по плечу, словно разглаживая складку на рубахе, но Бьярни был не столь наивен и понимал, к чему все это. Она смотрела на него слишком женским взглядом, многозначительно и призывно, с восхищением и желанием, и это смущало Бьярни. Он не хотел ей верить и всеми силами старался противиться обольщению, но не мог побороть волнения. – Ты думаешь, что не тебе равняться с героями древних сказаний и снимать проклятья с дочери короля Иного мира. Но ты ошибаешься, ибо скромность твоя поистине равна твоей доблести, что так редко встречается среди героев Лет-Н-Айла и мира людей.

Нельзя сказать, чтобы Бьярни был падок на лесть, но от этих слов на душе у него стало как-то удивительно тепло. В голосе своей собеседницы он различал печаль и надежду: она действительно верила, что он в силах помочь ей, и от этого ему вдруг захотелось совершить невозможное.

– Я избрала тебя, потому что ты сам – такое же неоднозначное и пограничное существо, как и я, – продолжала Эалайд. – Ты сын двух народов, сэвейга и уладки. Ты сын знатного человека и рабыни, но эта рабыня происхождением своим гораздо выше своих хозяев. Мир и благополучие приносили тебе унижения и безнадежность, но война и смерть родичей привели к свободе и славе. Даже то, что ты был отвергнут гордой девой, не принизит, а возвысит тебя

еще больше, чем уже возвысило. Твоя судьба оборачивает к твоей пользе все, что с тобой происходит, даже когда тебе кажется, что из этих дурных дел не может вырасти ничего хорошего. Ты родился рабом, но можешь стать королем. И я, Эалайд дочь Боадага, помогу тебе в этом, если ты поможешь мне.

Бьярни больше не возражал. Эалайд знала о нем так много, но он не спрашивал, откуда она все это знает. Из Иного мира хорошо видно тем, кто умеет смотреть.

– Что я должен сделать? – спросил он.

– Сила Этайн основана на чарах ее отца, Кадарна Серой Шкуры. Он могущественный колдун, а мощь свою черпает из своей башни. Его башня стоит на холме Хир-Туаим, и там – еще одни ворота между миром людей и Лет-Н-Айлом. Если заставить его покинуть башню, его мощь сразу уменьшится, и тогда я сумею вернуть себе свой облик, похищенный его дочерью.

– Заставить его покинуть башню? Но как я смогу это сделать? Я же не колдун. Я с радостью помог бы тебе. – Бьярни настолько осмелел, что даже сам взял руку Эалайд. Рука у нее была удивительная – нежная, как лебединый пух, теплая и прохладная, и притом какая-то невесомая. Казалось, если сожмешь ее сильнее, она растает, как туман. – Но у меня совсем нет времени на колдунов. Мою землю, остров Клионн, захватил мой кровный враг, Торвард сын Торбранда, конунг фьяллей. Тот самый, что убил моих братьев и оскорбил мой дом. Я должен отмстить ему, я должен найти мою сестру, освободить моего деда и братьев, которые все еще в плену, я должен изгнать фьяллей с Зеленых островов, потому что, похоже, кроме меня этого некому сделать! Да будь на моем месте сам Ки Хилаинн, ему и то все это стоило бы некоторого труда. А я не герой древности. Я вырос среди челяди, хоть мне и стыдно об этом упоминать, но ты все равно знаешь. Я учился сражаться, когда Кари обучал моих братьев и им нужно было на ком-то оттачивать свое умение. А сейчас у меня ничего нет, кроме дружины в двадцать восемь израненных и измученных человек. И если короли Ивленна не помогут мне, я просто не знаю, что я тогда стану делать!

– Я еще не сказала тебя всего. Ведь ты не знаешь, где нашла приют Этайн, вынужденная бежать из Лет-Н-Айла?

– Нет.

– Она живет теперь в доме королей Ивленна, Фиахи и Фиахны. Она – жена рига Фиахи. Бежав из Иного мира, она пришла к нему и так очаровала его своей красотой – *моей* красотой, ибо в моем облике она ожидала его возле священного источника в день Праздника Мертвых! – что он взял ее в жены и пообещал исполнять ее волю во всем. И вот уже тринадцать лет она самовластно правит всем на Ивленне. Ты увидишь ее завтра, когда придешь в королевский бруг. И тогда поймешь, что тебе не добиться своей цели, пока не будет достигнута моя. Но зато, если ты поможешь мне изгнать Этайн, я укажу тебе вернейшее средство вновь обрести силу, даже большую, чем прежде. Наши цели неразделимы... И что ты скажешь о том, чтобы и постель у нас на эту ночь была одна?

Вслед за столь неожиданным окончанием своей речи Эалайд улыбнулась, глядя на Бьярни с таким открытым страстным призывом, что у него упало сердце, а в лицо бросилась краска. Бьярни покраснел, как мальчик, хотя женщин не боялся, – но кем он был, как не мальчиком, рядом с этой девой, которая старше его на... лучше не думать, на сколько лет может быть старше дочь короля Иного мира. Если ее возраст вообще измеряется человеческими мерками.

– Н-нет, благодарю тебя, – запинаясь, выговорил Бьярни, зная, что краснеет, и смущаясь от этого еще больше. Эалайд негромко засмеялась. – Но ты сейчас так похожа на мою сестру, что я...

– А ты уверен, что не хотел бы обладать той, что носит этот облик? – Эалайд пристально взглянула на него.

– Нет, – серьезно и уверенно ответил Бьярни. – Не хотел бы.

– Но я ведь вижу, что при мысли о ней твое сердце трепещет, как...

– Как зайчонок, схваченный сильной рукой охотника. Знаю, ты уже об этом говорила. Но это не то. Не знаю, можешь ли ты это понять. Вы, сиды, все знаете, но понимаете ли вы людей? – Бьярни взглянул ей в глаза и заметил в них неуверенность. – Я люблю мою сестру, я восхищаюсь ее красотой, ее умом и знаниями, ее силой духа. Я стремлюсь к тому, чтобы она доверяла мне и делилась со мной своими мыслями, я хочу, чтобы она скучала по мне, как я скучаю по ней. Может быть, важнее всего на свете для меня – оправдать ее ожидания и добиться того, чтобы и она гордилась и восхищалась мной. Но это же не то. Такой любовью можно любить кого угодно, а не только женщину. Понимаешь, если бы она была не сестрой моей, а бабкой и ей было бы шестьдесят лет, я относился бы к ней так же – если бы она сохранила бы такое же молодое отважное сердце, силу духа и ясный ум. Ты понимаешь?

– Я... постараюсь понять, – неуверенно ответила Эалайд.

– Ты не сердись на меня? Я знаю, что по старинным законам Зеленых островов мужчина не имеет права отказать женщине в любви, не покрыв себя позором, но...

– Не тревожься. – Эалайд опять прикоснулась к его плечу. – Я пригласила тебя в этот бруиден, чтобы ты отдохнул, и пусть твой сон будет спокоен и безмятежен, пусть он подкрепит твои силы для новых испытаний. Уже завтра ты встретишься с ригами Ивленна и тебе предстоит совершить еще немало трудных дел. Однако я надеюсь...

Она встала со скамьи, сделала несколько шагов прочь, остановилась в дверях и обернулась.

– Надеюсь, что, когда мы с тобой увидимся снова, ты дашь мне другой ответ. – Она снова улыбнулась и исчезла.

Бьярни огляделся. В очаге пылал огонь, на грудах тростника сладко спали его спутники, причем рядом с некоторыми еще лежали куски мяса, не поместившиеся в животах, и стояли кувшины и чаши с остатками пива. Девушек-хозяек не было. Бьярни снова посмотрел на дверь, за которой исчезла Эалайд. Надо думать, та дверь и ведет в Лет-Н-Айл. Надо бы запомнить. Ведь завтра... Завтра она обещала встречу с ригами Ивленна.

Глаза слипались, тело от усталости казалось тяжелым и неповоротливым. К счастью, идти никуда уже не надо было – Бьярни просто лег на тростник там же, где сидел, закрыл глаза и мгновенно заснул.

Проснувшись, Бьярни обнаружил, что лежать ему жестко, неудобно и порядком холодно и только в спину упирается что-то теплое. Ну еще бы. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на голой земле, вернее, на мокрой от росы траве. За спиной у него устроился Ульв, тоже крепко спящий. Бьярни поспешно отодвинулся, как будто обнаружил возле себя не человека, а змею: а вдруг кто-нибудь увидит, как они нежно прижимаются друг к другу, – потом останется только на меч броситься от срама!

Привстав, он огляделся. Место было незнакомым – дикая поляна на склоне холма. Однако, помня свой первый опыт ночевки в бруидене на перекрестке дорог из мира людей в Лет-Н-Айл, Бьярни не очень-то удивился. Просто сегодня бруиден ушел в Иной мир, не дожидаясь пробуждения гостей, а их оставил. И спасибо ему за это. Похоже, здесь на траве расположилась вся их дружина, и все спали. В голове была тяжесть, как после крупной попойки. Однако...

Бьярни в изумлении уставился на плащ, которым был укрыт. Выкрашенный в густой темно-красный цвет, хороший, совсем новый плащ из толстой шерсти, надежно защищающий от ночного холода. Ничего подобного у него с собой не было, все их вещи остались в бруге Айлестар. Рядом с плащом на траве лежал пояс с узорной позолоченной пряжкой, даже лучше того, что пришлось отдать в обмен на нож. Почти таким же плащом, только зеленым, был укрыт Ульв. Откуда такое богатство?

Бьярни огляделся еще раз и понял, что показалось ему странным. Все кварги, спящие на земле, были укрыты разноцветными крашеными плащами, старые рубахи, грязные и драные, пропотевшие, со следами крови, заменились на новые – из лучшего белого льна, и под головой у каждого лежала верхняя рубаха – из тонкой шерсти, тоже выкрашенная в яркий цвет и даже с вышивкой. У каждого появилось оружие – уладские мечи с бронзовыми рукоятями, ножи, копья, даже продолговатые щиты с узорными умбонами. Посреди поляны блестел начищенными боками большой бронзовый котел на трех ножках – улады такие котлы не вешают над огнем, а ставят на землю и огонь разводят снизу и вокруг. Рядом с котлом лежали большие караваи хлеба, завернутые в холст, куски свежего мяса, закутанные в крапиву, чтобы не испортилось. Стоял дубовый бочонок, всем видом намекая, что внутри – пиво, такое же вкусное, каким вчера угощали их дочери Боадага.

Однако настал новый день с новыми заботами и прохлаждаться было некогда. Эалайд обещала, что уже сегодня он увидит королей Ивленна. И Бьярни принялся будить свою дружину. Выражение лиц у спящих было самое разное – от блаженства до мучения. Причем очень многие так же прижимались один к другому, как они с Ульвом. Ничего подобного раньше Бьярни за своими людьми не замечал, и оставалось думать, что Хринг Острога сейчас видит во сне объятия вовсе не Берга Бороды, а кого-то совсем не похожего и безо всякой бороды! Видимо, не только одному Бьярни было сделано приятное предложение, но только он один от него оказался. Однако, кроме любви, добрые дочери Боадага одарили своих гостей и одеждой, и оружием, и даже припасами, так что теперь они могут благополучно добраться до здешних ригов и предстать перед ними в приличном виде, а не как оборванные и голодные бродяги.

Рядом кто-то хрипло выругался. Бьярни обернулся. Ульв все так же лежал на спине, но теперь с открытыми глазами и озирал голубое небо и зеленые ветви над собой. Он тоже вспомнил, и, видимо, то же самое.

– А куда все делось? – сипло спросил кто-то рядом. Свейн Лосось уже сидел на траве и тер глаза. – Мы же были в доме у какого-то короля... Только его самого не было, а были только его дочери...

Вспоминая вчерашнее, кварги с изумлением оглядывались, но не видели ни дома, ни орешника с источником и лососями, ни, разумеется, девушек, которые их сюда заманили. Однако новая одежда и прочие подарки доказывали, что все это был не сон. Или не совсем сон.

Или этот сон еще не кончился...

– Эти чародейки заколдовали нас! – приговаривал Кари, пытаясь пальцами расчесать спутанные волосы. – Не было тут никакого дома, нам только померещилось. И еды не было! Я уже слышал такие саги! Заморочат тебя, будто сидишь на мягкой перине и мясо ешь, а потом проснешься – в болоте, и во рту тинной воняет!

– Вот это, похоже, не тина. – Торир Упряжка осторожно потыкал пальцем в мясо, отогнув листья крапивы, и понюхал палец. – Мясо как мясо. Свинина.

– Нам еще повезло, что нас самих не превратили в свиней! – кряхтел Кари. – Очень хорошо повезло, скажу я вам!

– Да и красотки, небось, тоже морок, а сами – уродливые старые ведьмы! – мрачно добавил Ульв.

– Ничего нет сильнее, чем злые чары! – пытался утешить его Кари. – Против колдовства ни один мужчина не устоит.

– Особенно когда это колдовство молодых и прекрасных женщин! – хмыкнул Ивар хёльд, уже совсем пришедший в себя. Ему все эти чудеса очень нравились. – Эта, какая-то из них, не упомяну, как ее звали, все говорила мне, что она, дескать, меня полюбила и хочет, чтобы я с ней там остался. Я-то, старый дурак, развесил уши...

– Постой, а ты разве тоже понимаешь по-уладски? – поразился Бьярни.

– Нет... – Ивар удивился. – До сих пор не понимал. А они разве говорили по-уладски? Как же я тогда все понял? Мне как-то в голову не пришло... Нет, а все равно приятно! – Он даже зажмурился от воспоминаний. – Где еще, кроме как в волшебной стране, меня полюбит такая девушка! Да и подарки, я бы сказал, очень хорошие – не от всякого короля такие получишь.

– Кстати, о королях, – напомнил Бьярни. – Если мы все живы, сыты, здоровы и одеты, так чего мы ждем? Пошли искать местных королей!

Собрав так неожиданно обретенное имущество, кварги тронулись в путь. И сегодня местность выглядела гораздо более оживленнее: сразу на глаза им попало козье стадо, а потом и деревня – семь или восемь круглых домишек, сплетенных из прутьев и покрытых соломенными крышами. В деревне появление дружины, состоящей из хорошо одетых людей, возглавляемых молодым учтивым вождем, вызвало любопытство и некоторую тревогу, но Бьярни, говорящий по-уладски и назвавшийся внуком и посланником рига Миада, быстро всех успокоил. Дорогу к королевскому бругу им показали охотно.

– Здесь уже недалеко, ты легко достигнешь его к полудню, – объясняли местные жители. – Сперва ты увидишь высокий холм с камнями на вершине – это Старая Тетра, священное место, где стоял когда-то дом древнего короля Круахнена. Миновав его, ты увидишь бруг Мис-Бенн, там и живут наши короли.

Старая Тетра? Бьярни насторожился: ведь Тетра – другое имя Боадага.

– А позволь спросить, почему Старая Тетра носит такое название? – осведомился он.

– Нетрудно ответить, – охотно отозвался старейшина деревни, обрадовавшись случаю поделиться местным преданием со свежим человеком. – Старая Тетра зовется так потому, что в древние века, еще пока не пришли сюда люди под водительством сыновей Бель, стоял на том холме замок самого Красного Короля Холмов, чье имя также Тетра. Уступив же эту землю сыновьям Бель, перенес король Тетра свой замок в Иной мир, где стоит он и поныне. А сыновья Бель построили там свой дом. О том же, как был он разрушен, есть другое предание...

– И я бы с большим удовольствием его послушал, если бы только у меня было время, – вполне искренне сказал Бьярни. Как в далеком детстве, когда он, сидя на коленях у матери где-нибудь в уголке гридницы усадьбы Камберг, зачарованно слушал старые уладские предания, которые Дельбхаэм шептала ему на ухо, так и сейчас они увлекали его. Тем более что в них оказалось столько правды! Но приходилось спешить.

Распрощавшись со словоохотливой старейшиной и клятвенно пообещав зайти к нему снова на обратном пути и послушать-таки о разрушении Старой Тетры, если только выдастся такая возможность, Бьярни со своими людьми тронулся дальше. Заблудиться они уже не боялись: в глубь побережья вводила хорошо накатанная дорога, да и люди, у которых можно было уточнить путь, попадались теперь часто. В полдень они сделали привал, сварили мясо в подаренном котле, поели и немного отдохнули. Хоть старейшина и обещал, что они уже скоро достигнут бруга Мис-Бенн, Бьярни не хотел являться к ригам голодным и первым делом набрасываться на еду.

И по дороге, и во время отдыха Бьярни все время думал о прошедшем вечере, вспоминал свою беседу с Эалайд. Он обдумывал каждое слово своей странной собеседницы, пытаясь понять, какие же чувства и побуждения за всем этим крылись. Действительно ли он ей нравился? Или она просто хочет использовать его в своих загадочных целях? Сейчас, ясным днем, когда ее не было рядом, Бьярни мог оценить все случившееся трезво, однако смутное расположение к дочери Боадага родилось и крепло в душе. Она нуждалась в помощи, и уже поэтому Бьярни не мог ей не сочувствовать. А еще она, должно быть, довольно доброе создание. И мудрое. Несомненно, ее истинный облик прекрасен! Порой в душе Бьярни даже мелькало сожаление, что он не посмел принять ее предложение... Нет, все правильно. Не стоит торопиться в таких делах, особенно когда речь идет о существах Иного мира. Он не сомневался, что они снова встретятся. Но даже понимая, что встречи с девами Иного мира опасны и искать их не

следует, при мысли об этой будущей встрече Бьярни испытывал не страх, а скорее нетерпение, так что даже невольно прибавлял шаг.

Старейшина не обманул: уже вскоре после того, как кварги двинулись дальше, перед ними открылась долина Рога – о происхождении ее названия тоже существовало предание, – а в ней бруг, состоявший из каменной башни-броха и нескольких деревянных строений попроще, в основном хозяйственного назначения. Ничем особенным бруг Мис-Бенн не поражал, серебром либо птичьими перьями покрыт не был, источники мудрости перед ним не били, орешника тоже не росло.

– Похоже, что в некоторых случаях и тут обитают обычные люди, – съязвил Ульв. – Не удивлюсь, если у них даже баню топят слуги, а раскаленные камни и не думают прыгать в воду сами!

Зная, что сыновья Айлен правят своим островом вместе, Бьярни ожидал, что те окажутся близнецами, но ничего похожего не обнаружил. Братья-короли вовсе друг на друга не походили: Фиаха был светловолосый крепыш, ростом ниже среднего, круглолицый и румяный, но весьма воинственного вида, а Фиахна – высокий, худощавый, с темными волосами, выдававшими примесь крови круитне, и мечтательным выражением на лице. Выглядели оба лет на тридцать, но кто же из них старше, Бьярни так и не понял. За спиной у Фиахи висел меч, а у Фиахны – арфа с позолоченными струнами. Почетное хозяйское место у них было на два сиденья, но, сидя там плечом к плечу, они производили довольно забавное впечатление. В другое время Бьярни посмеялся бы – про себя, разумеется, – но сейчас ему было не до смеха.

Ибо вскоре после того, как гости вошли, из грианана спустились обе королевы, жены братьев. По жене Фиахны – миловидной женщине, обычной уладке с рыжими волосами и обильными веснушками точно такого же оттенка, улыбчивой и неразговорчивой, – Бьярни лишь скользнул взглядом и больше о ней не думал. Зато вторая... Поистине, не составляло труда понять, которая из двух является женой Фиахи... красавицей из Иного мира... Колдуньей, очаровавшей короля...

Королева Этайн была высокой – с самого Бьярни ростом и на голову выше собственного мужа. Волосы у нее оказались темно-рыжие, блестящие подобно самому темному янтарю. Светло-карие глаза, немного вытянутые к вискам, под почти прямыми бровями такого же цвета, как волосы, смотрели остро и недобро, в то время как розовые губы приветливо улыбались. Немного скуластое лицо треугольной формы, с широким лбом и узким угловатым подбородком было белым и довольно красивым, и Бьярни понял, почему Этайн избрала именно этот облик. Эалайд, которая сейчас пряталась под обликом Элит, обладала яркой, самобытной, необычной, но весьма впечатляющей красотой.

Заметив пристальный взгляд гостя, королева остановилась у подножия лестницы. А Бьярни не мог оторвать от нее глаз, хоть и понимал, что ведет себя невежливо и даже дерзко. Но что за важность, если он наконец-то видел истинный облик Эалайд?

Однако королева Этайн поняла его внимание и волнение иначе. Многие мужчины теряли голову при виде ее красоты, и она лишь улыбнулась, глядя на Бьярни вполне благосклонным взором. Риг Фиаха, наоборот, насутился. За тринадцать лет он должен был бы привыкнуть к тому, что его жена привлекает горящие мужские взгляды везде, где появится, но не мог не ревновать и не бояться, что однажды она предпочтет другого. И уж не этого ли – молодого, рослого, стройного парня с таким открытым, располагающим лицом, учтивого, знатного, хорошо одетого? Добрых чувств к гостю у него сразу поубавилось, хотя они еще и не начинали ни о чем говорить.

С выходом обеих королев наконец начался пир, и сама Этайн поднесла Бьярни первую чашу.

– Да будет дан тебе привет в нашем доме, Бьярни сын Дельбхаэм! – сказала она, пристально глядя на него светло-карими янтарными глазами – глазами Эалайд.

Зная, что этот облик – краденый, что под чужой красотой эта женщина прячет позор порока и преступления, Бьярни с трудом заставил себя принять чашу из ее рук – и не мог не смотреть в лицо той, что была истинной хозяйкой этой красоты. Как же ему хотелось в эти мгновения, чтобы это прекрасное лицо вернулось наконец к настоящей владелице, чтобы он увидел лицо Эалайд, оживленное и освещенное душой Эалайд, и смог понять, что же она за существо – та, которую он совсем не понимал, но к которой испытывал странное влечение, смешанное с тревогой и робостью.

На вечернем пиру, когда гости и хозяева насытились, короли наконец начали расспрашивать гостя. Рассказ о том, откуда и зачем он прибыл, братья выслушали внимательно. Фиаха при этом мрачнел на глазах, а темные глаза Фиахны приобретали все более отрешенное выражение, будто он слушает предание, не имеющее никакого отношения к жизни.

– Боги наказали этого гордеца Минида, – заявил Фиаха, когда речь дошла до гибели рига Банбы на поединке с Торвардом конунгом. – Он был подл и жаден до чужого добра, и потому боги отняли у него удачу. А что с его женой, королевой Хелиген? Она теперь у короля Лохланна?

– Нет, о ней я ничего не слышал, – ответил Бьярни. – С собой он привез только Тейне-Де, дочь Брикрена. Полагаю, королева Хелиген осталась на Банбе.

– Должно быть, убив ее мужа, Торвард конунг предложил себя взамен. – Фиаха ухмыльнулся.

– Мне ничего об этом не известно. – Бьярни вообще не понимал, при чем тут Хелиген. – А почему вас так занимает судьба этой благородной женщины – она ваша родственница? – с надеждой спросил он, подумав, что если вдова Минида в родстве с этими двумя, то тем легче будет склонить их к походу праведной мести.

Но те только переглянулись и хмыкнули.

Бьярни продолжал рассказывать о своих приключениях.

– А ты, должно быть, обручился с этой девой, дочерью Брикрена? – с беспокойством спросил Фиаха, когда рассказ дошел до побега из погреба.

– Нет, и не думаю, чтобы эта дева сочла меня достойным своей любви, – ответил Бьярни, мельком вспомнив мрачный взгляд близко посаженных рыжих глаз Тейне-Де. Почему этих двоих интересуют только женщины?

Его ответ хозяевам понравился, и они вздохнули с облегчением. Глядя на них, Бьярни начал понимать: слушая его рассказ, они все время перемещали в голове островных ригов, будто фигурки в игре на доске, прикидывая: этот стал сильнее, тот вовсе укатился за край поля, – и пытались понять, кто теперь сколько весит на Зеленых островах. Кто за кого, кто против кого – кто теперь самый сильный? И не мы ли, случайно? Вероятно, в этом отношении их и занимает судьба женщин: ведь муж дочери рига – и есть будущий риг. И, женись Бьярни на Тейне-Де, Снатха и Клионн оказались бы связаны тесными родственными узами...

На миг Бьярни подумал, что, может, и стоило бы поухаживать за Тейне-Де – если бы было время. Она сама ему совершенно не нравилась, но сейчас был так необходим сильный союзник! Ведь у него всего двадцать восемь человек, а нужно помочь деду, найти Элит, избавиться от фьяллей...

– И вот решил я приехать к вам, сыновья Айлен, чтобы просить вас о помощи, – продолжал он. – Остров Ивленн – сейчас единственный, куда еще не ступала нога Торварда конунга. Не считая острова Голуг, подчиненного ригом Брикреном еще раньше, но схватка рига Брикрена с ригом Карбадом была столь жестокой, что Карбад погиб, оставив лишь маленьких детей, и от войска его почти никто не уцелел. Только вы, сыновья Айлен, теперь можете остановить Дракона Восточного моря. На вас с надеждой взирают смертные и с благосклонностью – боги. Так пусть же запоем боевой рог, призывая отважных к славе, пусть будет врагам жестокая

брань, а мирным людям – защита. И пусть прославят вас сказители и барды, как героев сотни боевых приемов и тысячи подвигов.

Он хорошо знал, как нужно говорить с отпрысками королевских родов, чтобы его речь понравилась. Особенно он рассчитывал на Фиаху, который имел более решительный и воинственный вид, но и Фиахну должно было заинтересовать упоминание о песнях и сказаниях. Похоже, что он и сам обучался искусству бардов, но ведь надо ему о чем-то петь!

Знатные улады, окружавшие королей, слушали его речь с не меньшим вниманием и отвечали понимающими взглядами. Разумеется, для жителей Ивленна не было новостью то, что на четырех других островах уже несколько месяцев бушует война.

– Этого и следовало ожидать, – заметил один из знатных воинов, Брехан мак Ллид. – Ведь еще во время Праздника Мертвых наш прорицатель Мунремур предсказывал, что если между сыновьями наших богинь разгорится вражда, то из-за моря придет беда и никто не сможет ей противостоять. Так и вышло. Риги Зеленых островов сражаются между собой за звание ард-рига, а в это время лохланнцы разоряют их земли.

– Во всем виноват Биле Буада, – добавил другой, уже старик. – Он объявил поход Каменного Трона, первым начал войну. Остров Снатха пострадал по его вине. Если бы риг Брикрена находился дома, когда к нему пришел король Лохланна, то сумел бы дать достойный отпор и сейчас уже никому не приходилось бы бояться лохланнцев. Но он жаждал завладеть чужим и потерял свое. Что же, сам риг Брикрена убит этим фьялленландским драконом?

– Говорят, что он только ранен, но точных сведений об этом у меня нет, – ответил Бьярни. – А разве ты, почтенный...

– Эадха мак Селах. – Старик наклонил голову, украшенную несколькими седыми косами.

– Разве ты, Эадха, уже знаешь Торварда, конунга фьяллей?

– Мы здесь знаем его. – Старик кивнул. – Позапрошлым летом он тоже бывал здесь. Он пришел с двумя кораблями и хотел здесь высадиться, но возле острова Фаир ему встретился другой лохланнский вождь, который перед этим был на Эриу. Там тоже шла война местных владык, и тот разбойник привез большую добычу. Торвард конунг разбил его, забрал его добычу, а с нами заключил мир при условии, что мы позволим ему немного отдохнуть здесь. Через несколько дней он ушел, как мы подумали, на Эриу. Но мы видели его сражение с тем разбойником, кажется, его имя было Вальгрим или Вальгейр. Нам повезло, что оба они пришли к нашим берегам одновременно. Если бы они вздумали сражаться не друг с другом, а с нами, то плач и горе обрушились бы на цветущую землю Ивленна.

– Но теперь Торвард конунг здесь не имеет соперников. Одолеть его будет трудно и нужно приложить все усилия!

Однако оба брата-короля ответили на его горячую речь молчанием и хмурыми взглядами.

– Кто умен, тот понимает: не следует дразнить зверя, терзающего добычу, – подала голос королева Этайн. – Ты сам сказал, что Торвард конунг набрал уже много сокровищ. Вероятно, что скоро он уйдет за море. Так зачем мы будем ввязываться в эту войну?

– Но мы могли бы воспользоваться случаем и занять Каменный Трон, – мечтательно вставил Фиахна, и Бьярни посмотрел на него с надеждой. Помогать другим сыновья Айлен не стремятся, но, может, хоть забота о собственной выгоде заставит их вступить в войну? А уж после того, как они сразятся с Торвардом, сил карабкаться на Каменный Трон у них уж явно не останется.

– Для этого нам не надо воевать! – Королева Этайн с улыбкой покачала головой. – Нужно просто подождать, пока Торвард конунг уйдет, а потом прийти и взять все, что после него останется, ведь ты согласен, о муж мой?

Она посмотрела на Фиаху, и тот послушно кивнул. Знатные улады со стыдом переглядывались, видя, как их риг поддерживает эту совсем не героическую и не мужскую точку зрения, но возразить вслух никто не смел. Невысокий, однако очень решительный по виду старик с

бородой чуть ли не до колен и в белой одежде жреца – видимо, тот самый Мунремур, – даже отвернулся в досаде.

– Каменный Трон фьялли не увезут, уж больно тот тяжел, – с насмешкой продолжала королева Этайн. – Но после этой войны ни на одном острове не останется никого, кто будет в силах нам противостоять. Мы будем единственными повелителями пяти островов, и прочим королевам придется признать ваше главенство, сыновья Айлен. Ибо не останется других знатных родом и прославленных доблестью мужей, способных соперничать с вами. Так зачем вам проливать кровь, рискуя не дожить до сладких плодов победы?

Теперь Бьярни вполне понимал, что имела в виду Эалайд, когда говорила, что он не достигнет своей цели, пока не поможет ей. Она права: королева Этайн не желает оказывать помощь другим островам, наоборот, собирается извлечь все возможные выгоды из их ослабления, а риги смотрят ей в рот и поддерживают ее во всем. Не избавившись от нее, он не получит здесь никакой помощи.

– Но никто ведь не может вам пообещать, что Торвард конунг действительно уйдет с островов! – с трудом подавляя негодование, наконец сказал Бьярни, глядя на Фиаху и все же надеясь пробудить в нем заснувший разум. – Легкие победы избаловали его, еще больше разожгли его честолюбие и алчность. Он уже может считать себя повелителем четырех остров из пяти – так неужели он уйдет, не пожелав присоединить к своим владениям и пятый? Уж конечно, он хочет быть покорителем *всех* Зеленых островов. И на пути у него – только вы. Я видел этого человека – он не из тех, кто довольствуется частью, когда может взять все. Среди племен Морского Пути фьялли славятся своей воинственностью. Их земля бедна, они не могут прожить земледелием, и пастбищ для скота у них недостаточно, поэтому с давних времен их мужчины каждое лето уходят в морские походы, оставляя присматривать за хозяйством женщин, детей моложе двенадцати лет и стариков, по дряхлости или из-за увечья уже не способных держать оружие. А все их мужчины – воины. Их конунги – военные вожди во многих поколениях, и Торвард конунг – не только по званию, но и на деле первый в своей дружине и один из сильнейших воинов Морского Пути. И он непременно придет сюда – ведь он знает, что здесь немало сокровищ. И прежде, чем зариться на чужие земли и женщин, вам, сыновья Айлен, следовало бы позаботиться о сохранности собственных. Если вы позволите ему напасть на вас, то ваши сокровища попадут в его руки, а ваши прекрасные юные жены станут его рабынями!

– Ты пришел угрожать нам? – с гневом крикнул Фиаха. На лбу у него появилась косая красная полоса – старый шрам, который краснел, когда риг волновался. – Конечно, ты ведь сам лохланец, хоть и сын Дельбхаэм.

– Какая вам разница, кто я такой? Я говорю о безопасности вашей земли! Если вы не станете ждать, пока Торвард конунг нападет на вас, а соберете хорошее войско и нападете на него сами, то у вас есть надежда победить. Фьялли слишком привыкли, что им почти не оказывают сопротивления. И уж тем более они не ждут, что кто-то нападет на них первым! Вы можете захватить их врасплох и перебить даже спящими.

Говоря это, Бьярни уже сомневался, а не променяет ли он хрен на редьку, если в бруге Айлестар вместо фьяллей воцарятся эти двое. Надеялся он только на то, что победа не будет уж очень легкой и от войска братьев тоже мало что останется. И он, Бьярни, даже готов постараться, чтобы победа далась им нелегко. Вплоть до того, чтобы вовремя разбудить фьяллей и дать приготовиться к нападению...

Замысел был неплох, но братья не пошли ему навстречу.

– Мы тоже – воины! – надменно ответил Фиаха, переглянувшись с улыбающейся королевой. Похоже, ее даже забавляла горячность гостя, и она ничуть не сомневалась, что все будет так, как считает нужным она. – Когда прихожу я в боевой пыл, не хватает даже трех чанов холодной воды, чтобы охладить его, и не опускается меч в моей руке, пока останется передо мной хоть один враг! Если лохланцы придут сюда – головы их вождей украсят ворота бруга

Мис-Бенн, как то было в обычае у наших предков. Но мы не покинем свою цветущую землю и вооружимся лишь тогда, когда враги будут у наших берегов. Ибо последним вооружается не тот, кто трусливее, а тот, чье рождение выше!

– Но вы...

– А нашей земле ничего не грозит, – с безмятежной улыбкой продолжала королева Этайн. – Ибо могучие чары оберегают остров Ивленн.

Должно быть, она намекала на своего отца-колдуна. Любопытно, а риг Фиаха знает, что у него за тесть?

– Но позапрошлым летом эти чары вам не слишком помогли, – возразил Бьярни. – Когда сюда явились разом и Торвард конунг, и неведомый Вальгейр. Вас спасла случайность!

– Теперь мы закончим эту беседу, Бьярни сын Дельбхаэм, – с той же приветливой улыбкой произнесла Этайн. – Мы выслушали твои речи и дали тебе ответ. Ты можешь быть нашим гостем, пока найдешь нужным, но пусть уста твои больше не упоминают об этой войне.

– Благодарю вас за гостеприимство, достойное вашего высокого рода, а также *твоей* красоты, королева, – ответил Бьярни с такой язвительностью, что даже Ульв бросил на него удивленный и завистливый взгляд. А Бьярни почти с удовольствием вообразил, как изменилось бы и какой злобой налилось бы прекрасное лицо Этайн, если бы она знала, что ему все о ней известно.

Короли снова принялись пить, и Бьярни опрокинул целый кубок пива, не чувствуя ни крепости, ни вкуса. На хозяев он старался не смотреть и весь кипел от досады и негодования. Даже Торвард конунг сейчас казался ему более близким и приятным человеком, чем эти двое: злой, наглый, но прямой и честный, конунг фьяллей в мыслях был далек от всякой подлости и всего, чего хотел, добивался собственными силами и не жалея собственной крови. А не ждал, пока сильные соперники перебьют друг друга, чтобы потом завладеть всей добычей и перебраться через кровавое море, не замочив даже краешек плаща. Уж наверное, он, сын ведьмы, не позволил бы вертеть собой другой ведьме, которая украла красоту, как нарядное платье, у истинной хозяйки!

Гости на пиру, особенно Брехан и Эадха, бросали на него понимающие и сочувствующие взгляды. Бьярни видел, что на королеву Этайн они смотрят без восхищения и любви, и догадывался, что эти двое охотно поддерживали бы его, но не могут идти против воли своих королей.

На ночь кваргов устроили в гостевом доме, здесь же, возле броха. Не доверяя хозяевам, Бьярни распорядился выставить дозоры внутри дома и всем держать оружие под рукой. Еще раз и еще он мысленно благословлял дочерей Боадага, подаривших им оружие и красивую одежду. Хорошо бы он был, предстань он перед этими двумя в пропотевшей, пропыленной рубаше и с пустыми руками!

– Все хорошо вроде, еще бы красотку под бок, как там, где птички пели! – мечтал Ивар хёльд, взбивая свежее сено, которым набили для них тюфяки.

И Бьярни подумал, что и сам был бы не прочь каждую ночь проводить в доме дочерей Боадага – при условии, конечно, что все будет заканчиваться так же благополучно. Пожалуй, если бы у него было время немного привыкнуть к Эалайд, он уже не так оробел бы... ну и что из того, что она выглядит как Элит? Он уже почти не замечал этого сходства, под знакомой внешностью видя совсем другую женщину... совсем другую, но по-своему не менее привлекательную. Ворочаясь, он думал: а помнит ли она обо мне? Вспоминает ли она последнюю встречу? Но кто может представить мысли существа, живущего в Ином мире, его чувства, предпочтения и ценности? Может, она смеется над глупым смертным. А может, думает о нем не больше, чем человек думает о комаре, который вчера пожужжал над ухом да и сгинул.

И все же, несмотря на весьма здравые опасения, Бьярни жаждал новой встречи, невольно воображал, как она могла бы сложиться... и больше не собирался робеть перед Эалайд. *«...Ибо скромность твоя поистине равна твоей доблести, что так редко встречается среди героев*

Лет-Н-Айла и мира людей, – говорила она, и у Бьярни становилось тепло на сердце, когда он вспоминал об этом. – *Твоя судьба оборачивает к твоей пользе все, что с тобой происходит, даже когда тебе кажется, что из этих дурных дел не может вырасти ничего хорошего. Ты родился рабом, но можешь стать королем. И я, Эалайд дочь Боадага, помогу тебе в этом, если ты поможешь мне...*» Воспоминание об этих словах наполняло его силами, снимало усталость от всего пережитого за последние полгода, заставляло смотреть в будущее с надеждой. В ее лице сама судьба обласкала его и обнадежила, словно старалась внушить стойкость. Не опускать руки, грести, пока хватит сил. И может, добрая судьба даст ему какую-нибудь возможность... Уже только в благодарность за это стоило постараться, чтобы помочь ей. Тем более что этим он поможет и самому себе.

Глава 2

Наутро Бьярни испросил у братьев-королей разрешение отправиться в лес на охоту. Расчет его был прост: прямо сюда, в королевский бруг, Эалайд едва ли придет, а сейчас ему необходим ее совет. Короли позволили: им тоже не улыбалось кормить из своих запасов почти три десятка чужаков. Пусть сами что-нибудь добудут.

Не зная местности, кварги весь день проблуждали по холмам и рощам. Бьярни совершенно не заботился о том, куда они направляются. Иной мир – такая вещь, что объявиться может где угодно, было бы на то желание его обитателей. А хотя бы один из них сейчас должен ждать встречи с ним – и сам Бьярни ждал, волнуясь, будто у них с Эалайд назначено любовное свидание. Каждый миг промедления заставлял сердце сжиматься от разочарования и непонятной боли. Неужели он ошибается и она не придет? Или все это ему приснилось?

Ночевать они остались в лесу.

– А вот бы снова... – Асгрим сын Вандилия с намеком подмигнул Ивару. – Правда, хёльд?

– Да уж молчи! – махнул рукой Фарульв Умный. – Не надо к себе звать Иной мир, а не то потом от него не отделаешься!

И он будто напоролил. Отойдя в сторонку по важному делу, Берг Борода вернулся очень быстро.

– Эй, вы чего там расселись? – крикнул он своим спутникам, которые разжигали костер и собирались варить мясо. – Тут совсем рядом опять этот дом, мы всего ничего до него не дошли!

Теперь уже никто не удивился ни появлению бруидена, ни тому обстоятельству, что уже в третий раз один и тот же дом предстает перед ними на новом месте.

– Привет тебе, красавица! – Ивар хёльд как знакомую приветствовал девушку с внешностью Элит, стоявшую на пороге. – А где же твои сестры? Неужели сегодня они не удостоят нас чести видеть их прекрасные лица?

Бьярни молчал, глядя на хозяйку бродячего бруидена. Она все-таки появилась, но сейчас он так отчетливо видел ее иномирную природу, которая словно просвечивало сквозь человеческое тело, что не решился даже прикоснуться к руке, которую она ему протянула.

– Я видел ее, – сказал он наконец. – Ты прекрасна.

Едва ли кто-нибудь уловил бы смысл в этой странной речи, но Эалайд его поняла и улыбнулась.

– Я вижу, ты убедился в моей правоте, – сказала она. – Зайди же в дом, и я расскажу тебе то, чего ты еще не знаешь.

В бруидене шло веселье: кварги ели свинину, которая уже была поджарена и только ожидала, когда в нее вопьются чьи-нибудь соскучившиеся по достойной работе зубы, и пили пиво, которое само появлялось в кубках, не требуя даже бегать за ним к бочонку. Прекрасные дочери Боадага прохаживались между столами, смеялись, потом одна из них принялась петь, а две другие – танцевать на свободном пространстве перед очагом. Глядя на ловкие движения их стройных, соблазнительных тел, гости забывали даже жевать. А Бьярни подумал, что этой ночью ни один из его спутников не будет обманут в своих ожиданиях, а как это выйдет – лучше не спрашивать.

Что же до него самого, то его прежняя смелость куда-то испарилась. Он-то гораздо лучше прочих осознавал, что происходит и кто перед ним.

К счастью, сегодня Эалайд не делала никаких смущающих намеков.

– Теперь ты знаешь, что наши цели едины, – говорила она. – Готов ли ты помочь мне и тем самым помочь себе?

– Я готов помочь тебе, даже если мне самому от этого не будет ровно никакой выгоды, – искренне отвечал Бьярни. – Я не хочу, чтобы злая женщина пользовалась твоей красотой и тем

скрывала от всех свое истинное мерзкое лицо – то, которого она заслуживает. Она заразила своей подлостью весь Ивлени, и не случайно я заметил, что урожаи на полях бедны, а скот ослаблен болезнями.

– Урожаи хороши, а молоко обильно, когда король правит справедливо и честно, не уклоняясь от следования законам и древним обычаям. Если же нарушена Правда Короля, то бедствия ожидают страну. Риг Фиаха взял в жены дурную женщину и во всем подчиняется ей – пока Правда Короля не вернется, не будет истинного благополучия на земле богини Ивил. А это важно и для тебя. Почему – я скажу тебе позже.

– Я знаю и сам. – Бьярни вздохнул. – Ослабленная земля, не способная помочь себе, едва ли сможет помочь другим.

– Пусть так. – Эалайд улыбнулась, но Бьярни видел, что она еще не сказала всего.

– Как мне найти этого колдуна?

– Найти его нетрудно. Его брох стоит на грани миров, и наш бруиден тоже. Ты всего лишь пройдешь через ту дверь, – Эалайд показала на один из выходов, – и окажешься прямо перед брохом Хир-Туаим.

– И что я должен делать дальше?

– Я появлюсь, когда будет нужно, и помогу тебе. Я не могу все время быть там с тобой, потому что Кадарн учит мое присутствие. А ты не рожден на этой земле, поэтому неподвластен всем ее чарам. А сейчас отдыхай, и да будет спокоен твой сон.

Эалайд пошла к двери. Бьярни протянул руку ей вслед, хотел что-то сказать – и промолчал. Она все время менялась: была то игривой, как юная девушка, то лукавой, то спокойной и мудрой. Он не успевал к ней приспособиться, но чувствовал, что им все больше овладевает влечение к этому странному существу – к той, которую он, по сути, никогда еще не видел. Ведь ее облик на Этайн был все равно что чужое платье, не дающее представления о внешности настоящей хозяйки. Ведь только душа оживляет черты и делает лицо живым и настоящим. А какая она – душа Эалайд, дочери Боадага?

Проснувшись утром, Бьярни сразу увидел открытую дверь, а за дверью – долину. Поодаль возвышалась каменная башня-брох: круглая, без дверей, с несколькими маленькими окнами на самой верхушке, с крышей, покрытой каким-то серым металлом вроде свинца. Вчера, когда они вошли в бруиден через эту же самую дверь, позади них ничего такого не наблюдалось.

– Опять морок! – определил Ивар хёльд. – Бьярни, я начинаю думать, что мы зря ввязались в это дело. Может быть, в погребе у фьяллей нам было бы лучше. Мы не на острове Ивлени, мы в какой-то зачарованной стране. Нам все это мерещится. Если бы у нас был корабль, я бы сказал, что нам следует немедленно начать искать дорогу домой.

– Дорога домой лежит через эту дверь. – Бьярни показал в сторону башни. – Но просто так вернуться мы уже не сможем, даже если бы у нас и был наш корабль.

– Почему же?

– Мы слишком глубоко увязли в здешних чудесах. Если бы мы сейчас просто сели на корабль и отплыли, то счастья дома мы не нашли бы. Наши души остались бы здесь, и мы всю жизнь прожили бы в тоске по ним. А чтобы вернуться по-настоящему, мы должны сделать то, чего от нас хотят богини Зеленых островов.

– И чего же они хотят?

– Избавить их от фьяллей. А для этого надо набраться сил. И силы у меня будут, если мы сначала заставим хозяина той башни оттуда убраться.

– Я надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. – Ивар хёльд пожал плечами. – Потому что я, честно говоря, очень мало что понимаю.

Завтрак уже ждал на столах, поэтому приготовления к выходу много времени не заняли. Вскоре кварги один за другим прошли через дверь, ведущую к башне, и стали спускаться в долину. Бьярни оглянулся. Едва Свейн Лосось, шедший последним, перешагнул порог, как

бруиден стал таять в воздухе. И вот от него уже нет и следа – будто и не было здесь никакого дома, ореховых кустов и источников...

Кварги приблизились к башне и стали осматривать ее со всех сторон. Башня казалась необитаемой – ни людей, ни собак, ни пасущихся коз, ни брошенной возле дверей корзины. Не было даже самих дверей, будто обитатели башни проникают прямо через окна. По воздуху.

– Что будем делать? – спросил Ивар. В странах Морского Пути ничего подобного не строили, и кварги не имели никакого опыта в захвате высоких каменных сооружений.

– А-а-а! – вдруг заорал Альрик Дикий, единственный на всю дружину человек с задатками берсерка. Не дожидаясь, что решат вожди, он внезапно кинулся бегом к башне, потрясая секирой и продолговатым подаренным щитом.

Замерев, кварги смотрели, как он мчится по зеленой траве и прыжками взбирается на холм, на котором стояла башня. Бум-м-м! – облаченная в уладский шлем с бронзовыми накладками голова Альрика гулко и звонко впечаталась в каменную кладку. Вместо того чтобы проскочить сквозь морок, Альрик наткнулся на весьма ощутимое препятствие, упал и покатился назад, вниз по склону холма, громящая щитом и продолжая орать.

У подножия он наконец остановился и стал разбирать спутанные конечности. Несмотря на тревогу, дружина к тому времени уже хохотала взахлеб, сгибаясь пополам и утирая слезы, – уж больно потешно выглядел это неудавшийся наскок. Альрик припелся назад; теперь вид у него был не такой воинственный, глаза он жмурил и потирал ушибленный лоб.

– Ну, по крайней мере, мы теперь точно знаем, что это не морок и башня настоящая! – смеясь, утешал его Ивар хёльд и хлопал по плечу. – Ничего, Альрик, мы не забудем твоего подвига. На досуге я даже сложу стихи! Что-нибудь вроде... э-э-э...

Дуб опоры шлема
Шлемом гром извергнул...

– Уж это точно, что дуб! – хохотали хирдманы, не слишком сведущие в искусстве кёнинга.

– Теперь я буду звать тебя Альрик Башня! – усмехнулся Ульв. – А в качестве подарка можешь рассматривать то, что, хоть башню ты не пробил, свою голову, кажется, тоже.

Отсмеявшись, кварги взяли оружие на изготовку и обошли брох со всех сторон. Дверей в нем действительно не было, а тропа, подходящая к самому подножию холма, на этом подножии и кончалась.

Однако долина позади башни выглядела обитаемой: ее пересекала довольно широкая тропа, а на траве везде виднелись коровьи лепешки, как подсохшие, так и совсем свежие. Даже коза, привязанная к колышку, белела в отдалении. И Бьярни послал двух человек на соседний холм – посмотреть, не видно ли оттуда чего любопытного.

Поднявшись на холм, Торир Упряжка и Гисли Лось сразу же увидели много всего. А именно: в дальнем конце долины теснились глиняные хижины деревни, а по дороге двигалось нечто, что с некоторой натяжкой можно было посчитать за вооруженный отряд. Человек двадцать, снаряженных копьями, топорами и длинными иглами нагрудных застежек, сбившись в кучу, видимо, от страха, направлялись в сторону башни.

Вернувшись бегом, хирдманы подняли тревогу. Бьярни мигом выстроил людей, велел образовать плотную «стену щитов»: оказавшиеся во втором ряду выставили из-за щитов копья, в третьем – мигом наложили стрелы. Ульв, обрадованный возможностью совершить подвиги, взмахнул секирой и собирался издать боевой клич.

Но коварный враг спутал все расчеты. Увидев перед собой целое войско, как им казалось, местные замерли, как будто наткнувшись на невидимую стену, несколько мгновений выпу-

ченными глазами разглядывали своих противников, а потом разом развернулись и бросились бежать!

– Э-э... Вы куда? Стойте! Стойте, сволочи! – заорал Ульв, от удивления чуть не подавившись своим боевым кличем.

Но беглецы то ли его не поняли, то ли не пожелали подчиняться. Кварги растерялись: за побежденным врагом можно гнаться в битве, но до битвы?

– Всем стоять! – заорал Бьярни, видя, как дрогнула «стена щитов» в охотничьем азарте. – Не двигаться! Не ломать строй!

Но он был не прав, заподозрив в этом бегстве воинскую хитрость. Улады убегали на полном серьезе, и их можно было понять. Ни на ком из них не было шлемов или защитного снаряжения, хотя бы самого простого, в виде кожаной рубашки с нашитыми железными бляшками. Из оружия он успел разглядеть только копья и топоры, но с короткой рукоятью и едва ли очень опасные в бою.

Ульв в запале пустился было вдогонку, потом бросил копье вслед убегающим и действительно попал в ногу одному из самых последних. Тот упал, а остальные продолжали бежать и вскоре скрылись за холмом.

В ярости метнув свою секиру в землю, Ульв стал ругаться – что, конечно же, очень прояснило положение и помогло делу.

– Ну вот! – Ивар хёльд развел руками. – Зря мы показались все сразу. Если бы нас было поменьше, может, они бы приняли бой?

– А что, если они нас заманивают? – предположил осторожный Альвгрим. – И за тем холмом, – он показал грязным пальцем, – их сидит втрое больше, чем здесь было? Эти улады, говорят, такие хитрецы, что только держись.

– Ну пойдемте спросим вон того! – Кари Треска торопился следом за Ульвом, который уже подошел к раненому и для острастки пнул его под ребра. Раненый вскрикнул.

– погоди, дай мы его расспросим! – остановил его Бьярни. – Надо же нам хоть что-то выяснить! Кто вы такие? – по-уладски спросил он у раненого, простого пастуха по виду.

Вид у того был испуганный, одеждой ему служила рубаха из некрашеной сермяги, ноги были босы, а валявшееся рядом простое копье тоже не поражало качеством стали и красотой отделки.

– Я... нет, не убивайте меня, не убивайте! – бормотал он.

– Никто тебя не убивает! – успокоил его Бьярни. – Ну-ка, отвечай, как тебя зовут?

– Иодхан с-сын Селлаха, – пробормотал раненый.

– Откуда ты?

– Из Луиб-Туима. Там. Деревня. – Он кивнул на холм. – Вы – духи? Вас послал Кадарн Многомудрый, да?

– Кто послал? Какие духи? – от удивления Бьярни повторил это на языке сэвейгов, и Ульв тут же схватился за меч:

– Что, этот кусок дерьма – дух?

– Да нет, нет! Ты что, не видишь? Он из деревни, там, за холмом. Так кто, ты говоришь, нас послал? – обратился он к пленнику.

– К-кадарн Многомудрый. Он... Мы... – Иодхан сглатывал и никак не мог собраться с мыслями. – Мы не хотели... его убивать. Мы хотели только... поговорить... потому что две трети – это очень много, нам самим нечего есть. Мы сами не можем, мы не выживем, если две трети, ведь еще подать ригу, и нам не останется... Мы хотели поговорить, чтобы одна треть, как раньше, а если мало, то пусть забирает Блатахтову Пустошь, там все равно никто не живет... А то он говорит, что не будет защищать реку и тогда нас разграбят лохланнцы...

Тут он кое-что сообразил, окинул своих собеседников взглядом, а потом зажмурился, закрыл голову руками и спрятался в траве, насколько это возможно для того, кто все-таки не

жучок и даже не мышка-полевка. Свирепый вид Ульва с секирой наготове его особенно впечатлил, а Бьярни усиленно соображал, что же означает вся эта путаная речь. Помнится, королева Этайн намекала, что остров Ивленн защищают чары Кадарна. Не очень-то красиво по отношению к его жителям, как этот бедняга, будет лишить их этой защиты. Но только так можно вынудить братьев-ригов вступить в войну. А Кадарн, похоже, запрашивает за свои услуги слишком дорого, что тоже на руку Бьярни.

– Почему вы должны что-то давать этому Кадарну?

– Потому что он сильный колдун и может с любым сделать что захочет. Он потребовал, чтобы мы давали ему две трети всего молока, сыра, и шерсти, и мяса. Он защищает округу и не дает лохланцам подниматься по реке. Теперь, когда лохланцы захватили все другие острова, кроме нашего, их сила возросла, и Кадарн требует две трети всего – ему, стало быть, теперь тяжелее их сдерживать. А мы хотели поговорить с ним, чтобы он брал, как раньше, одну треть. А он, выходит, не стал нас защищать, вот вы и пришли... Вы же лохланцы? Или все-таки духи?

– Дошло наконец! – вздохнул Бьярни и, обернувшись к своим, перевел: – Колдун, с которым мы пришли воевать, собирает с местных дань, но зажадничал и потребовал больше, чем они могут дать. Они вооружились и пошли с ним разбираться. А тут увидели нас и решили, что мы – духи, которых он вызвал на подмогу.

Бьярни огляделся. Наверняка из-за холма за ними сейчас наблюдают десятки испуганных и настороженных глаз. Однако, если колдун может своими чарами рассеять целое войско, как же этот деревенский сброд надеялся с ним «договориться» при помощи своих топоров и копий?

Достаточно долго успев пробыть на Зеленых островах, Бьярни не собирался недооценивать возможности местного колдовства. Но многолетний опыт его воинственных предков-сэвейгов подсказывал, что нет такого колдовства, против которого не помогла бы в конечном итоге хорошая острая сталь. Он помнил, как смутилась Эалайд в их первую встречу, увидев направленное в ее сторону острие ножа. Не так чтобы испугалась, но и приближаться не стала.

– А что там есть у этого колдуна? – спросил Ульв. – Он богат?

Бьярни перевел вопрос. Пленник закивал:

– Он богаче всех! Его сокровища хранятся в башне, и никто никогда их не видит, но зато он никогда не зажигает огня, потому что ему светит его золото!

– У него точно есть золото?

– Конечно. Он ведь продает нашу дань, он же сам не может употребить столько мяса и шерсти. Он питается солнечным светом, а пьет лунный свет, и от этого у него прибывает колдовская сила каждый солнечный день и каждую лунную ночь.

– Сейчас полнолуние – он, надо думать, в подметку пьян! – Бьярни усмехнулся. – Слышишь, Ульв, он говорит, что у колдуна есть золото.

– Но эта девушка, которая нас сюда послала, она ведь не претендует на нашу добычу? – уточнил Ивар. – Ты ведь говорил, что ей нужно только избавиться от самого колдуна, да?

– Да. – Бьярни кивнул. – Золото Кадарна ей ни к чему. Так что если мы вынудим его покинуть башню или уьем, все его состояние останется нам.

– Тогда я согласен! Пошли назад! – Ульв взмахнул секирой.

– А с этим что делать? – Альвгрим кивнул на пленного.

– Пока пусть останется здесь, – решил Бьярни. – Может, нам еще придется о чем-нибудь его спросить.

Вернувшись к башне, кварги остановились, осмотрели ее и призадумались. Даже опытные в походах Ивар и Альвгрим чесали затылки, разглядывая высокие стены из округлых серых камней.

– И как только их заволокли на такую высоту? – бормотал Кари Треска. – Тут уж точно не обошлось без колдовства!

– Эй! Колдун! Как тебя там! – орал Ульв, помахивая секирой. – Выйди и сразись со мной, если ты не трус! Слышишь! Ты там что, мнешь мокрые штаны? Обделался от страха? Или пожираешь свое золото, чтобы нам не досталось! Чтоб тебе подавиться! Все равно мы его возьмем, только сначала вспорем тебе брюхо! Ну, где ты там, вонючая тварь! Жалкий ублюдок, коровье вымя, сын пса и крысы, выдра недоенная! Ты вообще меня слышишь?

Ульв орал, пока у него не сел голос. Башня молчала и не подавала никаких признаков жизни. В Морском Пути любой хозяин давно бы уже вышел помериться силами с наглецом, а до тех пор, поспешно облачаясь и вооружаясь, точно так же проходил бы по всем родичам Ульва и способам, которыми они появились на свет. Но башня не снисходила до ответа и выглядела не более живой, чем какая-нибудь скала.

– Надо поискать вход, – решил Бьярни. – Он сам не выйдет.

Хирдманы принялись ходить вокруг стен и выстукивать их обухами секир. Напрасно: везде одинаковая кладка и никаких признаков двери.

– К нам гости! – Ивар тронул Бьярни за плечо.

Обернувшись, тот увидел старуху. Обычная местная старуха, в темной одежде, с рваным покрывалом на голове, из-под которого торчали седые пряди, медленно брела по дороге со стороны деревни, явно направляясь к ним. Но Бьярни смотрел на нее настороженно: ему почему-то сразу вспомнилась та жуткая старуха, которую они с Ульвом повстречали в первый их вечер на Зеленых островах на берегу реки Клионы и которая потом оказалась самой Клионой – и рекой, и богиней-покровительницей острова.

– Приветствую вас, доблестные мужи, – проскрипела старуха, подойдя поближе.

И не один только Бьярни заподозрил в ней существо Иного мира – судя по тому, что все кварги столпились вокруг, сжимая оружие и держа щиты наготове, хотя чем, казалось бы, может угрожать трем десяткам сильных мужчин какая-то жалкая дряхлая карга?

– Привет и тебе, почтенная, – вежливо ответил Бьярни. – Что привело тебя к нам? Имеешь ли ты нужду в помощи или сама хочешь предложить нам нечто полезное?

«Только не это!» – мысленно взмолился он, вспомнив, с каким предложением обратилась к ним поначалу старуха-Клиона. Судя по ужасу, отразившемуся на лице Ульва, сын Ивара вспомнил о том же.

– Вижу я, что вы нуждаетесь в помощи, – сказала старуха, подслеповато шурясь и разглядывая их из-под морщинистых век. – И я могу вам помочь. Ведь вы ищете вход в колдовскую башню?

– Мудрость и проницательность поистине не обманули тебя, – подавляя улыбку и стараясь сохранить серьезный вид, учтиво подтвердил Бьярни. В самом деле, трудно было не понять, зачем они бегают вокруг башни и стучат в стены.

– Я укажу вам способ, как проникнуть в башню, но за это вы дадите мне то, что я попрошу, – продолжала старуха.

– Что же ты хочешь получить? – осведомился Бьярни, все более укрепляясь в дурных предчувствиях.

Ульв тем временем уже спрятался за спины товарищей, тоже догадываясь, к чему дело идет.

– Любовь одного из вас, – тихо, со значением проговорила старуха, подняв свое морщинистое лицо как могла ближе к лицу Бьярни.

И во взгляде ее он вдруг уловил нечто настолько знакомое, что от облегчения глубоко вздохнул и улыбнулся.

– Буду рад, если ты избереешь меня, – так же тихо ответил он. – Это снова ты, о дева, переменчивая, как тень облаков на воде?

– Это снова я. Ты начал узнавать меня в любых облициях, а это говорит либо об изрядной проницательности, либо... о любви.

– А зачем этот ужас – ты хотела испытать мою проницательность?

– Мне опасно показываться так близко от башни, поэтому я приняла облик одной старухи из деревни. Но я пришла рассказать, как вам выманить колдуна из башни.

– В ней ведь нет даже дверей.

– Двери в ней есть, они вон там, напротив, где кончается тропа. – Мнимая старуха показала на склон. – Они открываются, когда привозят дань. А в другое время Кадарн прячет их своими чарами. Пробить их никак невозможно, но если разложить огонь вокруг всей крепости, так, чтобы пламя покрывало ее целиком, то он должен будет выйти и принять бой.

Повеселевшие сэвейги отправили в деревню своего пленника, и тот вскоре вернулся в сопровождении всего того воинства, которое так отважно убегало от предполагаемых духов. Узнав, что пришельцы готовы избавить их от жадного колдуна, а заодно и от опасности будущих набегов, весь остаток дня улады усердно рубили дрова, возили их из леса и укладывали вокруг башни. Но дров требовалось много: нужно было создать такой запас, чтобы вся башня была окружена огнем не меньше суток – едва ли упрямый колдун сдастся раньше. На завтра, соскучившись, часть кваргов тоже приняла участие в заготовках, часть наблюдала за башней, но в ней по-прежнему не появлялось ни малейшего признака жизни.

На третий день количество дров сочли достаточным и наконец зажгли огонь. Всю башню опоясал целый вал из дров и соломы со смолой, и, когда все это как следует разгорелось, ревущее пламя достигало до самых окошек башни. Эалайд, все еще в облике старухи, встала на пригорке и запела, протянув руки к огню:

Я вызываю буйный могучий огонь,
Он погубит траву, он пожрет леса,
Сердитое пламя могучей скорости;
Оно взметнется ввысь к небесам;
Черный дым его затмит облака;
Оно превзойдет гневом целый горящий лес;
Оно порушит силу Кадарна Многомудрого,
Сокрушит его гордость и мастерство;
Я вижу, вижу, как падает его сила во прах!

Огонь гудел и ревел, башня была вся объята пламенем, которое еще сильнее раздували слова заклинания, черный дым сплошным столбом поднимался в небеса и застилал свет. Казалось, в долине стемнело, и только исполинский столб огня ревел и грохотал, источая мощные потоки невыносимого жара. Кваргам пришлось отойти от башни шагов на сто, ближе было невозможно находиться. Нельзя было без ужаса думать, каково там, внутри!

И там внутри действительно было не здорово.

– Смотрите, смотрите! – закричало сразу несколько голосов.

И Бьярни увидел такое, отчего его пробил холодный пот, несмотря на близкий жар исполинского костра. С вершины башни, почти скрытой языками пламени и дымом, из самой гущи этого дикого жара, вдруг вылетело нечто, не похожее ни на животное, ни на птицу, но с большим копьём в руках.

– Это он, Кадарн! – кричал Иодхан и прочие местные. – Он надел свою волшебную птицу-шапку и свою шкуру серого быка! Шапка позволяет ему летать, а серую шкуру не пробивает железо!

На голове странного существа действительно было нечто вроде шлема с крыльями, и крылья эти били по воздуху, как живая птица. Одежда из косматой серой шкуры плотно обле-

гала человеческое тело, длинный хвост вился по воздуху, делая всю фигуру дикой и жуткой. Размахивая копьем и издавая пронзительный вопль, колдун бросился было на войско, и войско от неожиданности подалось назад, чуть не обратившись в бегство. Кварги привыкли к сражениям, но летучего оборотня они встретили в первый раз!

– Стреляйте! Один прикрывает щитом, второй стреляет! – закричал Бьярни. – Кварги, да неужели вы боитесь какого-то колдуна, старой бабы! Он всего один, а нас три десятка!

Ульв уже сам бросился вперед и метнул в оборотня копье. Но колдун увернулся от копья, взлетел еще выше, взвыл, и вдруг с высоты обрушился могучий поток воздуха. Пламя вокруг башни пригнулось, сломалось, горящие дрова, угли, огромные тучи золы и пылающих искр полетели во все стороны.

Горящий дождь падал прямо на головы, и кварги, прикрываясь щитами, пустились бежать. Колдун с воем носился над башней, крича что-то неразборчивое, и ветер дул с неистовой силой. Погасить такое мощное пламя он не мог, но он раздувал и разбрасывал горящие дрова и золу на огромное расстояние во все стороны, а это было еще хуже. Кварги бежали, но пылающие угли и зола сыпались на них сверху, обжигали лица и руки, не давали дышать.

– Держи! Держи! – хрипел Бьярни, жмурясь и стараясь не вдыхать дым.

Он не бежал, а, прячась под щитом, который держал перед ним Свейн Пряжка, пытался прицелиться. Свейн свободной рукой прикрывал лицо и кашлял, Бьярни пытался поймать летящую дикую фигуру острием стрелы и боялся, что вот-вот горящая зола выжжет ему глаза или пережжет тетиву. Наконец он выстрелил – и оборотень упал!

Сразу никто ничего не заметил. Отбежав подальше, кварги наконец поняли, что ветер стих и горящие дрова больше не летят им вслед. Но и пламя перед башней почти опало, потому что все дрова оказались разбросаны и теперь догорали в траве, усеяв почти всю луговину и даже опушку роши.

– Теперь мы будем звать это место Долина Огненной Битвы, – кашляя, просипел Иодхан. – Кажется, ты подстрелил его.

Поначалу подойти к башне было невозможно, но когда разбросанные угли дотлели, кварги снова собрались поблизости от стен. У многих остались ожоги, кое у кого обгорели волосы и одежда, почти все были мокрыми, после того как окунались в реку, ища спасения от огня. Но никаких ворот в стене башни по-прежнему не нашлось.

– Надо думать, что колдун еще жив, – с сожалением заметил Ивар. – Если бы он был мертв, чары бы рассеялись и мы бы увидели вход.

– Так что, опять поджигать? – уныло спросил кто-то из хирдманов.

– Сейчас не стоит, – решил Бьярни. – Нам самим надо отдохнуть.

– И то верно, – согласился Ивар. – Остыньте, ребята. А к утру, может, еще колдун сам подохнет, он ведь наверняка ранен.

Остаток дня кварги полоскались в реке (она называлась Ивил, в честь богини-покровительницы острова) и чинили прожженную одежду. Ульв ходил очень злой: он не мог простить Бьярни, что тот достал колдуна стрелой, когда его собственный бросок копья не достиг цели.

Старейшины предложили самым знатным из кваргов гостеприимство в деревне, но те, только заглянув в низкие, тесные, душные домишки под соломенными крышами, предпочли ночевать под открытым небом.

– На кой тролль мы вообще связались с этим дерьмом! – возмущался Ульв вечером, пока хирдманы готовили ужин. – Только потому, что эта красotka из волшебного дома тебе что-то такое пообещала? Она же из рода сидов – обманет, и еще рад будешь, если сам уцелеешь.

– Она не обманет, – пытался его унять Бьярни. – Но если мы победим колдуна, об этом даже конунгам будет не стыдно рассказать! А что он настоящий колдун, ты сам уже убедился. Он же умеет летать по воздуху, ты сам видел!

– Летать умеет всякая дрянь! – Ульв ткнул пальцем в филина, который почему-то сидел на крайнем дереве опушки, глядя на людей большими круглыми глазами. Филин при этом дернулся и возмущенно покрутил шеей, как будто все понял. – А мне нужны не его полеты, а его золото!

– Будет тебе золото! Ты что, хотел, чтобы он тебе его на блюде вынес сразу, как только мы подойдем к крепости? Так не бывает. За золото надо поработать!

Филин еще немного посидел, вертя головой и мигая глазами, потом сорвался с ветки и полетел за Ульвом.

Проходя под полог шатра, Ульв вдруг почувствовал рядом с собой какое-то движение, быстрый шелест ветра под сильными крыльями. Обернувшись, он вздрогнул и от неожиданности схватился за меч: рядом с ним сияли большие желтые глаза.

– Сгинь, оборотень! – рявкнул он, держа меч наготове.

– Это не оборотень, – сказал чей-то незнакомый голос. Ульв озирался: кроме него и филина, в шатре никого не было. Но голос исходил даже не от птицы, а звучал прямо у него в голове.

– Кто здесь? Где ты? – Ульв вертелся на месте, держа перед собой меч.

– Я – не здесь. Я – в своей башне, – продолжал голос, но при слове «башня» Ульву стало еще более жутко. Он уже понял, что все это имеет самое прямое отношение к колдуну, а тот оказался уж слишком близко! – Не бойся, – успокаивал его голос, хотя его мертвенное звучание никого успокоить не могло бы. – Я не причиню тебе зла. Я предлагаю тебе союз.

– Кто ты и где ты? – Ульв прижался спиной к опорному столбу.

– Я – Кадарн Многомудрый. Я – в своей башне, в Покое Волшбы.

– Но как ты говоришь со мной?

– Мое тело погружено в колдовской сон, а дух мой вселен в тело этой птицы. – Филин при этих словах опять пошевелил шеей. – Его глазами я наблюдаю за тобой, его ушами слышу тебя. Я не могу покинуть башню сам, потому что один из вас повредил мою птицу-шапку. Я вижу, что ты – более достойный человек, чем все остальные. Я предлагаю тебе союз. Мне нужна помощь, чтобы выйти из башни и унести мои сокровища, а тебе я дам половину из них за то, чтобы ты помог мне.

Ульв подумал. Колдун собирался сделать именно то, чего они от него добивались, – уйти из башни. И не будет ничего плохого в том, если своими сокровищами он поделится именно с ним, Ульвом. Несправедливо, что все богатства и почести достаются одному Бьярни, сыну рабыни!

– И как велики твои сокровища? – холодно спросил он.

– На твою долю придется столько золота, сколько может унести на спине бык. Я спрячу твою половину в Покое Волшбы, и ты один будешь знать это место, никто другой сокровища не найдет. А за это ты сделаешь в огне проход, чтобы я мог выйти.

– Но как я сделаю проход?

– Скажи, что ты видишь открытую дверь, и потребуй, чтобы тебя пропустили к ней. Когда проход будет сделан, я выйду с моей долей сокровищ, а ты потом, когда все войдут в башню, найдешь в Покое Волшбы столько же золота, сколько я унесу. И ты сам сможешь решить, делиться золотом с другими или нет. Ну, иди же! Сейчас, пока темно и большинство людей спит, наше дело будет проще всего осуществить.

Бьярни думал, что Ульв ляжет спать, и очень удивился, когда тот снова вышел из шатра, причем вооруженный.

– Куда это ты собрался? – спрашивал его удивленный Альвгрим.

– Я думаю, что эта подлая собака именно сейчас, пока наши люди отдыхают, попробует опять прорваться! – ответил Ульв. – Такое у меня предчувствие.

– Но мы опять разожгли огонь, видишь, как полыхает? Бьярни решил, что нельзя дать колдуну остыть и отдохнуть, пусть ему будет жарко всю ночь! А наутро посмотрим.

– Я сам посмотрю, и прямо сейчас. Да вон же! – вдруг заорал Ульв, показывая в стену башни. – Вон, смотрите, дверь открывается! Сейчас он выйдет, этот летучий гад! Скорее, раздвиньте огонь!

Он побежал к башне, и хирдманы в недоумении и тревоге устремились за ним. Никто ничего не видел, кроме стены бушующего огня, до половины скрывшей башню, но Ульв показывал прямо в пламя, кричал и уверял, что видит дверь, из которой вот-вот покажется колдун, и требовал сделать проход в огне, чтобы можно было ворваться внутрь. Хирдманы подчинились, и к тому времени, как Бьярни и Ивар прибежали на шум, пылающие дрова уже были раздвинуты и образовался проход шириной шага в три.

Ульв устремился туда со щитом и секирой наготове, и вдруг в стене и правда открылась дверь! Теперь ее увидели все, и все разом закричали. А из черного проема стремительно вырвался огромный бык – серый, косматый, с дико горящими красными глазами. Из ноздрей его валил дым, из пасти извергалось пламя, с огромных изогнутых рогов сыпались искры. Опустив рога, с драконьим ревом бык рванулся в расчищенный проход, так что хирдманы едва успели отскочить в стороны. В диком ужасе люди бросились прочь, а бык, никого не преследуя, устремился к лесу. Как огненный шар, он мчался через луговину, и на спине у него был привязан большой тяжелый мешок.

Немного опомнившись, кварги стали бросать ему вслед копья и пускать стрелы, и многие попали, но железные наконечники отскакивали от серой шкуры, как от камня, и потом их подбирали тупыми и зазубренными. Кто-то пустился в погоню, но бык почти мгновенно скрылся в лесу.

Сияние угасло, рев стих. Огонь еще горел под стенами башни, освещая луговину, и при его свете были хорошо видны распахнутые двери в каменной стене. Но башня была мертва и напоминала покинутое осиное гнездо. Теперь это была лишь каменная скорлупа от съеденного ореха, каменное яйцо, из которого вылупился дракон.

– Это был он, Кадарн! – гудели деревенские, прибежавшие на шум. – Он надел свою серую шкуру и превратился в быка.

Лезть в башню никто не решился, и даже Ульв, рвавшийся внутрь, только сунулся с факелом в черный провал и сразу выскочил обратно: там было горячо, как в кипящем котле. Огонь погасили, но только еще через день в башню оказалось возможно зайти. Ульв весь день ходил вокруг, изнывая и неразборчиво бранясь.

Когда башня наконец остыла, ничего примечательного там не обнаружилось. Дошатое перекрытие сторело и обрушилось, от утвари, если она тут была, остались одни угли. Ульв долго рылся по углам, разбрасывая обгоревшие обломки непонятно чего, но и ему в итоге повезло не больше.

– Это вонючая сволочь обманула нас! – кричал он. – Этот гад меня заморочил, заставил отрыгнуть ему проход и сбежал, а сам забрал все сокровища! Мы остались ни с чем!

Пустая и покинутая, закопченная башня возвышалась в долине, как одинокий черный зуб.

– Теперь нужно спешить, – раздался позади знакомый голос. Обернувшись, Бьярни увидел Эалайд, все еще в облике Элит.

– Что – не получилось? – У него упало сердце. – Почему ты все еще... в этом?

Сам того не замечая, он отозвался о внешности своей сестры как о платье.

Эалайд улыбнулась:

– Не тревожься. Мне нужно немного времени, чтобы окончательно разрушить чары, но теперь это не трудно, поскольку сила Лет-Н-Айла больше не питает их. Я устрою все наилучшим образом, для твоей и моей чести. А сейчас идем. Вам нужно подкрепить свои силы.

Уже знакомый бруиден появился за ее спиной, словно соткавшись из воздуха. И кварги устремились к нему с такой радостной готовностью, словно каждый увидел свой собственный родной дом. Похоже, спутники Бьярни уже привыкли к этому чуду – к дому с пламенем в очаге и угощением на столах, который сам появляется именно в том месте, где нужен.

В бруидене их снова ждали сестры Эалайд и принялись угощать гостей, которые приветствовали дочерей Боадага будто старых знакомых. Эалайд села рядом с Бьярни.

– Выслушай меня, пришло мне время исполнить мое обещание, – сказала она, и Бьярни с готовностью отставил кубок. – Теперь, когда ты помог мне, я взамен помогу тебе обрести силы даже большие, чем ты имел раньше. Скажи-ка: не хочешь ли ты сам стать ригом острова Ивленн?

– Ты шутишь? – удивился Бьярни. – Какой из меня король?

– Почему же нет? Ты – королевского рода, хорош собой, учтив и отважен.

– Но на Ивленне уже есть риги – целых два. Их-то куда девать?

– Власть их незаконна.

– Что ты говоришь! Ведь они – сыновья прежней королевы Айлен, разве нет?

– Да, они сыновья королевы Айлен. Но у королевы Айлен еще есть дочь!

– Дочь?

– Да. Именно дочь является законной наследницей матери, и только ее муж имеет право стать настоящим королем. А королева Айлен вовсе не нуждалась в помощи мужчины, для того чтобы управлять своей землей и даже защищать ее. О, это была выдающаяся женщина! В жилах ее текла кровь нашего народа, как народа круитне и уладов, и от всех своих предков она взяла лучшее. Не было мужчины, который превзошел бы ее умом, решительностью, справедливостью и отвагой. Но при этом она отличалась пылкостью в любви и не лишала благородных героев своего внимания. Старшего сына она родила от могучего воина, Ригена Кровавых Копий, предводителя фениев острова Ивленн. Второго сына она родила от могущественного колдуна, бежавшего сюда от своих врагов с острова Эриу, по имени Матах. Эти двое долго соперничали между собой за ее любовь и за первое место возле трона. А между тем, когда королева была уже не очень молода, хотя и не утратила своей красоты, она одарила своей любовью одного из юных фениев, по имени Дайре. И вскоре после этого он погиб во время охоты. Королева была убеждена, что виной тому злой умысел, но доказать ничего не удалось. Уже после смерти его она родила дочь и дала ей имя Фиал. Но, поскольку королева была уже в годах, роды дались ей тяжело, она стала болеть и вскоре умерла. И Риген, и Матах оба хотели видеть на троне своих сыновей – ведь Фиал была еще слишком мала. Собрание в Старой Тетре постановило: чтобы не плодить раздоров, вручить королевскую власть обоим сыновьям Айлен. Но только до тех пор, пока Фиал не подрастет настолько, чтобы она могла избрать мужа.

Однако прошло несколько лет и в бруге появилась Этайн. Обольстив старшего из братьев, она заняла место королевы. Эта женщина жаждет власти и никому не хочет уступать ее. Она уговорила сыновей Айлен запереть сестру в башню, где никто не сможет ее увидеть, где она не увидит ни одного мужчины, и таким образом никто не получит законного права оттеснить от трона нынешних королей. Но если такой человек найдется, то сыновья Айлен по закону будут вынуждены уступить ему место. Ранее королева Этайн помешала бы этому, потому что благодаря ее чарам никто не мог противиться ее воле. Но теперь все иначе. Теперь я верну себе свой облик, а ей останется ее собственный. Видя на лице ее печать порока и позора, никто не станет слушать эту женщину, и сам ее муж устыдится того, что так долго называл ее своей женой и во всем подчинялся ей.

– И ты имеешь в виду... что это я должен жениться на Фиал? – уточнил Бьярни.

– Ты приобретешь прекрасную жену и вместе с ней власть над целым островом. Тогда ты получишь право приказать, чтобы Ивленн собирал войско, и сможешь дать отпор твоему врагу.

– Но захочет ли она?

– Отчего же ей не захотеть? – Эалайд улыбнулась. – Дочь королевы Айлен была заключена в башню совсем крошкой, ей тогда не исполнилось и шести лет. И уже тринадцать долгих лет она живет там. Она не видит никаких мужчин, кроме своих братьев, которые иногда навещают ее. Но даже если бы она могла выбирать из многих, почему же ей не выбрать тебя? Я научу тебя, как найти ее. А все дальнейшее в твоих руках.

– Да, я попробую, – подумав, Бьярни кивнул. – Никакого другого способа я не вижу, а что-то делать нужно.

Эалайд не ответила. Бьярни осторожно взял ее за руку, снова чувствуя то же – казалось, сожми ее покрепче, и эта нежная рука растает, как туман.

– Ты желала... получить нечто в обмен на помощь, – с замиранием сердца намекнул он, стараясь сдержать учатившееся дыхание. – Я не из тех, кто дает обещания, чтобы о них забывать.

Облика своей сестры он уже почти не замечал, привыкнув, что из этой оболочки с ним говорит совершенно другая женщина. И совершенно другая душа смотрит на него из этих знакомых глаз, будто из дома, занятого гостьей в отсутствие хозяйки. К этой таинственной гостье его влекло какое-то безумное чувство, восторг перед загадочной мудрой силой и безрассудная отвага – пусть ему суждено погибнуть, но ведь есть за что погибать!

Эалайд улыбнулась и мягко отняла руку.

– Я рада, что твоя верность слову не уступает твоей смелости, – сказала она, и Бьярни услышал в ее голосе легкую, теплую усмешку: она знала, что этот порыв потребовал от него немалой решимости. – Но я не хочу принять твою любовь, пока сама я остаюсь в чужом облике. Мне будет казаться, что вовсе не меня ты хочешь обнимать.

– Это не так. Я уже почти не замечаю, что у тебя лицо моей сестры.

– И все же я предпочту дождаться дня, когда смогу прийти к тебе в моем настоящем облике.

Эалайд встала и шагнула прочь. Бьярни смотрел ей вслед и думал: правду говорят, что девы Иного мира переменчивы и неуловимы. Она прямо-таки преследовала его своей любовью, пока он уклонялся, а теперь, когда он сам делает шаг навстречу, она передумала и отвергает то, чего сама же недавно добивалась.

Должно быть, Эалайд угадала эти его мысли. Улыбнувшись, она вернулась, положила руки ему на грудь... Бьярни закрыл глаза, чтобы не видеть ее лица, и когда она поцеловала его, он вовсе не думал о том, как она выглядит. Нежные горячие губы страстно прильнули к его губам, Бьярни порывисто обнял девушку, словно бросааясь в пропасть... и обнаружил, что в руках его никого нет.

Он резко открыл глаза и огляделся. Его товарищи укладывались спать, и никакой Эалайд в бруидене не было. Так, может, и этот поцелуй ему померещился? И есть ли она вообще на свете – эта удивительная женщина, не имеющая постоянного облика?

Наутро, выйдя из бруидена, кварги обнаружили себя опять на новом, незнакомом месте. Перед ними раскинулось поле, за ним местность заметно понижалась, образуя долину, в которой протекала река – видимо, Ивил. А в долине высилась уже другая башня, ничуть не похожая на обгорелое обиталище Кадарна – обычный брох из бело-серых известняковых валунов, с несколькими окнами в верхней части, под крышей из зеленого дерна. И вход имелся – обычная дверь с полукруглым верхним сводом.

– Ну, кого будем отсюда выкуривать на сей раз? – бодро осведомился Свейн Лосось. – Нам уже не привыкать к разным чудесам, я готов еще пару-тройку колдунов одолеть, пока завтрак не готов! – И он молодецки взвесил на руке секиру. – А, Ульв? Чего такой хмурый? В этой чудной стране подвигов хватит на всех!

– Да уж наверняка и здесь притаилось какое-нибудь летучее дерьмо! – пробурчал Ульв, все еще злой и недовольный. – Но только я больше туда не полезу, посулите мне хоть все сокровища Фафнира.

– Тебя никто и не заставляет, – утешил его Бьярни. – Туда я пойду один.

Выбрав удобную поляну в лесу, кварги разбили стан – Бьярни предполагал, что здесь им придется провести какое-то время. Против этой задержки никто особенно не возражал: благодаря подаркам дев из бруидена кварги и под открытым небом могли устроиться немногим хуже, чем в доме. К тому же открылось то приятное обстоятельство, что хлеб и мясо, ими подаренные, не кончаются и не портятся, а бочонок с пивом не пустеет, так что блуждать по лесам кварги теперь могли сколько угодно и вовсе не зависеть от добычи.

Оставив дружину варить мясо, Бьярни в одиночку вернулся к броху и подобрался поближе, стараясь не показываться из-за кустов на склоне. Ему с трудом верилось, что в этой башне заключена красавица, королевская дочь, – уж очень это все напоминало сказание!

Однако хотя бы часть вчерашнего рассказа Эалайд незамедлительно получила подтверждение. Несколько человек, появившихся возле входа, садились на коней, и в одном из всадников Бьярни узнал рига Фиахну. На белой лошади сидела молодая женщина – должно быть, его жена. Они уезжали – видимо, провели тут ночь. Эалайд говорила, что братья-риги иногда навещают свою сестру. Среди провожающих имелись три женщины, но две из них явно были служанками. А третья, пожилая, ригу Фиахне годилась скорее в матери, чем в сестры. Может быть, это воспитательница королевской дочери?

Помня наставления Эалайд, Бьярни двинулся вокруг долины и вскоре увидел то, что искал, – небольшой домик, круглый, как почти все местные строения, со стенами из вкопанных стоймя толстых досок, окруженный плетнем. Внутри плетня гуляли пестрые куры, снаружи паслось несколько коз, привязанных к колышкам.

Сидя на опушке, Бьярни немного понаблюдал за домиком. Два раза из двери показалась женщина – выплеснула что-то из ведра, в другой раз подошла к одной из коз, выдернула из земли колышек и переместила скотину на новое место для пастбы. Кажется, кроме хозяйки, в доме никого не было.

И Бьярни постучал в дверь. Открыла та самая женщина – лет сорока, еще моложавая и почти красивая, вот только портило ее отсутствие двух передних зубов, одного сверху, другого снизу. Увидев незнакомого человека, она подняла брови, но Бьярни учтиво поклонился и вежливо объяснил, что охотился в лесу, заблудился в незнакомом месте и просит пустить его ненадолго передохнуть. И похоже, что его учтивая речь, хорошая одежда и общий положительный вид внушили хозяйке мысль, что опасаться нечего.

– Заходи, отчего же, – сказала она. – Муж мой тоже на охоту пошел, скоро уже вернется.

Для мужа, видимо, она варила похлебку из капусты и моркови, но и Бьярни выделила хлеб, сыр и козье молоко. За едой он стал расспрашивать ее понемногу о разном, в том числе и о каменной башне.

– Наверное, там живет король? – сказал он.

– Да нет, не король. – Женщина улыбнулась. – Там живет госпожа Фиал, сестра наших королей.

– Вот как? – Бьярни сделал вид, будто удивлен. – У них есть сестра?

– Есть. Уже тринадцать лет она, бедняжка, живет в брохе, не видя дневного света. Я – ее бывшая кормилица, вот мне и позволили жить поблизости и носить ей молоко и сыр.

– За что же ее заточили в башню?

– Да говорят, есть предсказание, что она принесет Ивленну большое несчастье, вот ее и поселили туда. Но я так думаю, – женщина склонилась к нему ближе и зашептала, – что короли наши просто не хотят, чтобы бедняжка нашла себе мужа, – ведь тогда им придется слезть со своего трона и уступить ему место! Уж они и ее спрятали от света, и еще слухи

по всем островам распустили, будто она страшна, как проклятие Морриган: и лицо-де у нее черное, как уголь, и волосы жесткие, как прутья, и чуть ли не ноги наизнанку вывернуты, коленями назад. А она такая хорошенькая, моя милочка, и так ей там скучно живется! Никого не видит, целыми днями сидит вышивает, но разве это жизнь для молодой девушки? Хоть бы на Праздник Костров ее выпускали, а то ведь и того не позволяют!

– А с ней в брохе много народу живет?

– Человек десять – две служанки, Голлин и Гвеми, ее воспитательница, Каэр, да воинов семь человек. Конечно, ее охраняют. Ведь немало найдется желающих стать с ее помощью ригом Ивленна!

«Один уже точно нашелся!» – подумал Бьярни.

Все, что говорила Эалайд, подтверждалось. Раз уж ему не удалось склонить к походу ригов Ивленна, судьба дает возможность самому занять их место. Его происхождение от рига Миада позволяло искать любви королевской дочери, оставались две заботы: проникнуть в башню и понравиться девушке. Причем первое сейчас заботило Бьярни гораздо больше, чем второе. Если несчастная дева прожила взаперти почти всю жизнь, никого из мужчин не видя, – уж наверное, охранников ей подобрали пострашнее лицом, – она не будет сильно привередничать. А он, Бьярни, всегда имел у женщин достаточный успех, чтобы надеяться на лучшее.

Когда, учтиво простившись с молочницей и вернувшись на поляну, он наконец изложил свой замысел дружине, на него посмотрели как на сумасшедшего.

– Ты все еще думаешь, что ты в сказании, – произнес Кари Треска. – Причем из «саги о древних временах» ты незаметненько переехал в «лживую сагу». Я всегда говорил: общение с Иным миром до добра не доводит, он у людей мозги из головы вышибает, что твой топор!

– Я помню, помню! – закричал Ульв. – Было такое! Этот, как его, с собачьим именем, тоже сватался к дочери одного великана, а тот держал ее в башне, и залезть к ней можно было только через окно, если она сбросит вниз свою косу!

– Неуч ты и невежда! – снисходительно ответил Бьярни. – Все перепутал – вот потому за тебя ни одна королевская дочь и не пойдет! Ладно уж, когда стану королем, подберу тебе какую-нибудь рабыню покрасивее. Ки Хилаинн, о котором ты начал говорить, приехал к своей невесте на колеснице с возничим, во всей красе. И я ни в какие окна лезть не собираюсь. Там, в брохе, воинов всего семь человек! А нас – двадцать семь, не считая меня. Да неужели мы с ними не справимся? Надо только придумать, как заставить их открыть дверь.

Думать об этом Бьярни пошел на тот склон, откуда была видна башня. Близился закат, бросая пламенные отсветы на серо-белые стены. И Бьярни показалось, что в высоком окне мелькает чье-то лицо. Рассмотреть ничего было невозможно, даже – мужчина это или женщина. Но Бьярни словно толкнуло предчувствие – это она.

И таинственный обитатель башни тоже его заметил. Смутно видимое пятно лица не исчезало, пока окончательно не стемнело; Бьярни мерещилось даже, что ему пытаются подавать какие-то знаки, но разобрать ничего не мог. А подойти ближе, помня об охранниках, не решился.

С раннего утра, еще перед рассветом, он снова сидел на том же месте. Он собирался понаблюдать за башней и понять, в какое время и для чего открывается дверь. Сама дверь, насколько он мог видеть, была сделана из крепкого дуба и обита железными полосами, и держали ее крепкие бронзовые косяки. Такую не выломаешь, даже если прийти с бревном.

И едва рассвело, как в окне снова появилось лицо. Теперь Бьярни разглядел, что это женщина, и ему казалось, что она смотрит в его сторону, но более ничего он разобрать не мог.

Вскоре к башне прошла та женщина, в гостях у которой он сидел вчера. Она несла деревянное ведро с молоком – видимо, от утренней дойки. Ей сразу отворили, но за ней дверь закрылась. Очень плохо было то, что башня стояла посреди безлесной долины и три десятка

человек при свете дня не подберутся к стенам незамеченными. А если подобраться ночью, то среди травы перед дверью ведь не укроешься, их сразу увидят, как рассветет.

Прикидывая, не выйдет ли привязать каждому на голову по кусту травы и положить на землю, и сознавая, что замысел очень глуп и отдаст полной безнадежностью, Бьярни вдруг заметил, что та женщина, уже с пустым ведром в руке, приближается к нему. Рассеянно оглядываясь, она издавала какие-то странные звуки, которыми, видимо, здесь подзывали скотину. Бьярни укрылся за кустом орешника, надеясь, что она его не заметит. Однако женщина направилась прямо к кусту и вскоре оказалась совсем рядом.

– Я так и знала, что найду тебя здесь, – сказала она. – Вернее, это моя милочка, госпожа Фиал, сказала, что ты здесь. Она тебя заприметила из броха.

– Это она послала тебя сюда? – Бьярни поднял брови.

– Да. Это я, старая дура, поверила, что ты охотился и заблудился.

– Но это правда! – сказал Бьярни, помня, что поначалу-то собирался на охоту. – Или почти...

– Ну, может, и правда. Но только ты не тот, за кого себя выдаешь. – Сидя у нее в гостях, Бьярни сказал, что его зовут Этлен и что он с дальнего побережья. – А моя милочка, госпожа Фиал, она такая умная! Она сразу поняла, что к чему! Не зря ей риг Фиахна, ее брат, когда приезжал в последний раз, рассказал, что на наш остров прибыл молодой риг с Клионна. Она сразу поняла, зачем ты приехал, да только брат не хотел ей говорить. И как она тебя из окна заприметила, так и поняла, кто ты такой. Тебя ведь зовут Бьярни, и ты сын Форгала Быстрооружного?

– Не совсем. Я – внук рига Миада Эброндоэ, но не от его сына Форгала, а от дочери, Дельбхаэм.

– Ну, это еще лучше, – одобрила женщина, поскольку родство по женской линии тут считалось весомее, чем по мужской. – Ты ведь приехал, чтобы посвататься к моей милочке, госпоже Фиал?

– Да, это верно! – твердо ответил Бьярни. – Но сдается мне, что ее братья будут совсем не рады такому сватовству, вот я и хочу поговорить сначала с ней. Боюсь только, что для этого мне придется научиться совершать геройские прыжки, что до меня умел делать только Ки Хилаинн!

– Ну, до этого авось не дойдет! – Женщина поняла намек на те уловки, к которым прибегал древний герой, чтобы добраться до своей будущей жены, но сознавала, что героические времена прошли. – Моя милочка, госпожа Фиал, хочет повидаться с тобой. Выйти она не может, и ты пойдешь к ней. Она приказала мне завтра, когда я снова принесу молоко, добавить в него отвар сонных трав. Она не будет его пить, а все воины выпьют и уснут. Тогда она откроет дверь и ты войдешь к ней. Но только один. Все твои люди должны ждать в лесу.

– Я согласен, – тут же ответил Бьярни. – Я приду один. Но кто подаст мне знак?

– Будь здесь, как сегодня. Когда дверь будет открыта, госпожа Фиал махнет тебе платком.

– Спасибо тебе, добрая женщина! – от всей души поблагодарил Бьярни. – Даже если наше дело не сладится, я постараюсь отблагодарить тебя, как только смогу.

– Да я же не за благодарность стараюсь. – Молочница вздохнула. – Уж больно мне жалко ее, милочку мою: уж такая она хорошенькая, такая добрая и ласковая, а сидит в башне, как проклятая, так и засохнет, будто деревце без воды и солнца. Риги наши, ее братья, права не имеют ее в башне держать: понятно, им не хочется, чтобы она замуж вышла, но нельзя же девушке жизнь из-за этого губить!

– Ты совершенно права! – одобрил Бьярни, радуясь, что для женщин соображения замужества весят и значат больше, чем любые другие. – Даже если бы у нее и правда лицо было черным как головешка, и тогда нужно было бы дать ей возможность попытать счастья – а вдруг

попался бы мужчина, который именно о такой и мечтал? А тем более если она красавица, как ты говоришь.

– Ну, красавица... – женщина усомнилась. – Не хочу соврать тебе, риг, бывают девушки и по красивей. Но она миленькая, и лицо у нее уж точно не черное. И ей всего восемнадцать лет!

– Так ты что, всерьез собираешься жениться? – спросил его Ивар хёльд, когда Бьярни вернулся к своим людям и все им рассказал. – Я, честно говоря, думал, что это ты строишь невообразимые замыслы, просто чтобы хоть чем-то себя занять.

– Почему же невообразимые? Если девушка сама хочет за меня замуж и сама готова помочь, то эти замыслы уже вполне осуществимы. А она хочет – иначе не решила бы, что я приехал свататься к ней, едва услышала о моем появлении на этом острове.

– Это может оказаться ловушкой! – предостерег Свейн Лосось. – Может, сами эти ушлые братья, что сидят двумя задницами на одном троне, это все и затеяли, чтобы от тебя избавиться. И нет там никакой девушки, а только сто мужиков с мечами.

– Если бы они хотели меня убить, для этого не надо выдумывать деву в башне. Можно сразу прислать сто мужиков с мечами. Двадцать восемь кваргов, конечно, большая сила, но на острове у них гораздо больше людей. Они в своих владениях, и им нет нужды сочинять сказки.

– Но как же... Ингебьёрг? – Ульв выглядел непривычно взволнованным. – Ты что же, уже не хочешь на ней жениться? И мы не вернемся домой, останемся здесь навсегда?

– Не будем загадывать так далеко, – уклончиво ответил Бьярни. Ингебьёрг в его мыслях принадлежала какому-то другому миру. – О «навсегда» нам рано думать. Сначала надо сделать все наши дела.

– Да наши ли это дела? – намекнул Фарульв Умный. – Сдались нам эти острова? Может, нам стоит подумать о том, чтобы просто вернуться домой?

– Нет, домой рано, – Ивар хёльд покачал головой. – Мы ведь уезжали, обещая привезти доказательства... ну, вы знаете. Или хотя бы приличную добычу. А сейчас мы ничего не можем привезти, одни саги о своих приключениях...

– ...в которые никто не поверит! – вставил Кари.

– Да и дед нашего Бьярни сейчас не очень-то король! И пока он не станет королем опять, мы получаемся наглые лжецы!

– Вот именно!

– Да и вернуться нам не на чем, – вздохнул Берг Борода. – «Синий Змей»-то наш... того, у фьяллей. Сначала его вернуть, а потом уж думать о доме. Хотя я, если честно, уже был бы не прочь увидеть мою старую метлу Сигрид. Пока сижу с ней дома – так надоест, бывало, что глаза бы на нее не глядели. А как поезжу где-нибудь хотя бы недельки две – уже вроде женщина, кажется, как женщина, ну, подумаешь, зубы повыпадали и ворчит много... Так это она со скуки – ей-то и из дома выбраться особо некуда, разве что сестру навестить. А теперь... Да уж, если до зимы вернемся, буду считать, что мы очень везучие.

Все помолчали, вспоминая свои дома и своих домашних. Бьярни вспоминал Ингебьёрг. Вернуться сейчас, даже если каким-то чудом тут оказался бы «Синий Змей» или другой подходящий корабль, – немыслимо, ведь у него нет ни кольца Дельбхаэм, ни подарков от рига Миада, которые подтвердили бы его королевское происхождение. И дед его действительно пока вовсе не король на Зеленых островах, как он рассказывал, а несчастный пленник. И Элит... пока он не узнает, где она и что с ней, ни о каком возвращении не может быть и речи! А чтобы помочь Элит, он должен быть сильным. Стать ригом острова Ивлени – самый подходящий способ. Пусть даже для этого придется на ком-то жениться. В конце концов, помочь несчастной девушке выбраться из башни на волю – доброе дело само по себе!

А о том, как быть с Ингебьёрг и как вообще совместить в своей судьбе харад Камберг и Зеленые острова, он подумает как-нибудь потом.

Утром Бьярни с самого рассвета опять сидел под тем же ореховым кустом. Он видел, как женщина направилась к броху с ведром молока. Прошло еще какое-то время, показавшееся Бьярни очень долгим. А потом он заметил в окне лицо. Что-то белое высунулось в узкое отверстие – в него никогда не пролез бы взрослый человек, даже если обитательница башни и впрямь спустила бы вниз свою косу, – и задержалось.

Видимо, это и был обещанный знак. Бьярни вскочил и бегом пустился вниз по склону: нетерпение сжигало его. Сейчас все решится. Ловушка это или нет? Подойдет ли он этой девушке – или она и впрямь так страшна, что не подойдет ему, несмотря на все выгоды этого союза? Женщина, которая ее знает всю жизнь, может и не замечать, насколько ее воспитанница хороша собой на самом деле.

Вот и дверь. Она была приоткрыта. Бьярни потянул за узорное бронзовое кольцо, скользнул в щель и оказался внутри.

Такой же брох, как везде, – в середине открытое пространство вокруг очага, по сторонам – клетушки, разделенные деревянными перегородками, из-за чего дом напоминает исполинское колесо. На полу он заметил несколько неподвижных тел – мужчины сурового вида, видимо, воины, спали, одурманенные травами. Посредине виднелась лестница в грианан. На лестнице стояла девушка, но в полутьме Бьярни не разобрал, хороша ли она. Одета хозяйка была вполне обыкновенно: в нижнюю рубаху из белого льна и верхнюю – из крашенного в розово-лиловый цвет, с простым поясом из тесьмы и лишь с небольшим золотым ожерельем на шее. И в самом деле, для кого тут наряжаться? Для птиц, что заглядывают в окна? Волосы девушки, темные, что роднило ее с братом Фиакной, были заплетены лишь в две косы, уложенные вокруг головы, и создание Иного мира она ничуть не напоминала. И хорошо, Бьярни уже устал жить в сказании, но пока приходилось терпеть.

– Иди сюда! – сразу позвала его хозяйка башни, ничуть не удивленная появлением незнакомого человека. – Поднимайся. Они спят, но лучше нам не оставаться здесь.

Бьярни устремился к лестнице. Девушка взбежала впереди него, и вот они оказались наверху.

Дочь королевы Айлен остановилась посередине покоя и повернулась к гостю. Бьярни застыл возле лестницы, не смея идти дальше. Ему было немного стыдно, что он пришел сюда, собираясь, грубо говоря, соблазнить девушку, пользуясь тем, что она не видела мужчин и не имеет выбора, в то время как нужна ему вовсе не она, а только выгоды этого союза. Использовать свою мужскую привлекательность ради корысти, обманывать ни в чем не повинное существо было неловко и неприятно.

Но другого выхода у него нет. Только он сейчас может помочь деду, Элит, острову Клионн, да и другим островам, попавшим под власть грабителей-сэвейгов. А ради Элит он пошел бы и не такое. В конце концов, эта девушка тоже кое-что приобретет: получит мужа и выйдет из башни на свободу.

Молочница не обманула: Фиал, сестра Фиахи и Фиакны, была не дурна собой и не хороша, но довольно милостива. Большие серые глаза, высокий широкий лоб, слишком сильно выступающий вперед нос и заметные складочки в углах губ придавали чертам ее лица резкость, а выражение этого лица было довольно мягкое, дружелюбное, только очень взволнованное, что вполне понятно. Сложения она была весьма изящного, но ростом невысока. Девушка как девушка. Могло быть и хуже.

Бьярни старался вспомнить, что в таких случаях говорили герои местных преданий, но в голове все смешалось.

– Я так долго ждала тебя. – Фиал тем временем сделала шаг вперед.

Она жадно рассматривала своего новоявленного жениха, в ее больших выразительных глазах отражалось жгучее любопытство, тревога, но, к счастью, ничего похожего на разочарование. Бьярни – молодой, высокий, статный, приятный лицом, с отросшими рыжеватыми воло-

сами, которые еще хоть и не годились для заплетания во множество косичек и укладывания в сложную прическу, уже лежали на плечах красивой волной, в нарядной одежде, сшитой и украшенной девами сидов, – способен был пленить своим видом даже таких женщин, которые имели возможность выбирать из многих. Несмотря на нынешнюю свою растерянность, он, как всегда, производил впечатление доброго, приличного и надежного человека, и у затворницы Фиал хватило проницательности это увидеть.

– Я знала, что рано или поздно ты придешь, – негромко, с глубоким волнением продолжала она, делая мелкие шаги по направлению к нему. – Тот, кому суждено вывести меня из этой башни. И когда мой брат Фиахна рассказал, что к нам приехал внук рига Миада, я поняла, что ты приехал за мной. Я ничего ему не сказала. Но я увидела тебя на опушке и поняла, что это ты.

– Да. Это я, – подтвердил Бьярни. – Я слышал о том, что сестра ригов Ивленна заключена в башне, и почувствовал любовь к тебе, еще не видя тебя.

Именно так случалось со всеми доблестными героями сказаний, и Бьярни стремился быть их достойным наследником. К тому же миловидная наружность Фиал по сравнению с тем, что он с тревогой рисовал в своем воображении, показалась поистине прекрасной, и Бьярни кривил душой очень мало. Не больше, чем допустимо в его положении. И отчего же не сделать девушке приятное?

– Но ведь наверняка тебе сказали, что я страшна, как духи Самхейна! – с обидой ответила Фиал. – Мои братья нарочно распускают такие слухи – а еще говорят, что на мне лежит проклятье и я приношу несчастье, но все это неправда! На мне нет никакого проклятья, и никто не делал мне дурных предсказаний. Просто они таким способом хотели отбить у людей охоту искать меня.

– А мне делали предсказания, – Бьярни наконец улыбнулся как мог обаятельнее, вспомнив, что должен все-таки понравиться ей. – Сами дочери Боадага – или Тетры – предсказали мне, что я стану королем, и обещали мне много лет счастья и благоденствия. На мне лежит благословение, которое позволило бы мне сделать красивой любую женщину, на которую наложено заклятье уродства.

– Дочери Тетры? Ты встречался с ними? – оживилась Фиал. – Где, каким образом?

– Здесь же, на вашем острове. Всего несколько дней назад.

– Расскажи. – Фиал поманила его к себе и уселась на богато убранное ложе.

Кроме ложа, в грианане имелся еще ткацкий стан, прялка, несколько корзин с разными тканями, незаконченные вышивки. Стояла резная скамья, на которую Бьярни и присел. Рассказывая о своих приключениях, он, разумеется, опустил то, что одна из дочерей Боадага искала его любви. А всем прочим событиям Фиал не удивлялась. Почти лишенная общества людей, она жила в мире сказаний, которыми ее утешала воспитательница Каэр, сейчас спящая глубоким сном после «волшебного» молока. А в тех сказаниях довольно многие девы проводили время в башнях – и к каждой прямо туда являлся незнакомый герой, жаждущий стать ее мужем.

– Я вижу, что ты достойный человек, – сказала Фиал, выслушав Бьярни. – Если человек наделен от рождения сильной судьбой и доброй удачей, то все обстоятельства оборачиваются ему на пользу и даже сиды помогают ему. Ты достоин стать моим мужем и ригом Ивленна.

– Спасибо тебе. – Бьярни встал и подошел к ней.

Фиал тоже поднялась и подала ему руку. Бьярни сжал ее, не зная, пора ли уже ее поцеловать и как к этому отнесется девушка, все последние тринадцать лет видевшая мужчин только издалека.

– Теперь мы соединимся с тобой, и уже завтра я пошлю объявить всем людям Ивленна, что у меня отныне есть муж, – продолжала Фиал.

– Но ведь... нужно справлять свадьбу или как это у вас в обычае?

– Потом, когда мы уже будем жить в бруге Мис-Бенн, я велю созвать всех знатных людей Ивленна и даже других островов, чтобы все они узнали, кому теперь принадлежит власть над нашим островом. Но стать мужем и женой можем только мы сами, и никто другой не в силах нам в этом помочь. – Она улыбнулась, будто это Бьярни был несмышленным юнцом, не знающим, что к чему. – Ну же, что ты застыл, будто перед тобой уродливая старуха? Ведь признайся – я гораздо красивее, чем ты ожидал?

Бьярни обнял ее и осторожно поцеловал, стараясь не слишком напугать. Однако она вовсе не боялась, а, наоборот, обвила руками его шею и ответила на поцелуй, проявив если не умение, то уж точно старательность и самые добрые намерения.

Закрыв глаза, Бьярни представил, что обнимает Эалайд. Вспомнилась вчерашняя ночь – поцелуй Эалайд ожил в памяти так ясно, что по жилам разлился жар и трепет. Бьярни крепко сжал объятия – и на этот раз стройное тело в его руках никуда не делось, не растаяло, как туман, осталось таким же теплым и настоящим. Не открывая глаз, он развязывал пояс Фиал и освобождал ее от рубашек, покрывая поцелуями нежные хрупкие плечи, и опозориться перед невестой ему уже не грозило. И заботило его только одно: не произнести вслух то имя, которое звучало в сердце.

Вполне удовлетворенный всем случившимся, Бьярни было задремал, чувствуя под боком тепло тела своей свежесобранной супруги, но вскоре его разбудил шум внизу. Там раздавались шаги, голоса, восклицания. Говорили по-уладски – значит, это не его дружина, встревоженная долгим отсутствием вождя, решила проверить, как у него дела.

– Кто это может быть? – Бьярни вскочил и принялся торопливо одеваться, подбирая одежду и стараясь побыстрее вывернуть ее как надо, – разумеется, только больше путался и надел было рубаху задом наперед.

– Это не важно. – Фиал лишь слегка приподнялась на подушке и выглядела вполне безмятежной. – Кто бы там ни был, теперь они должны бояться тебя и исполнять твою волю. Ведь с этого мгновения ты – риг Ивленна и господин над всеми его жителями!

– А вдруг они этого не знают!

– Так узнают.

– А вдруг им это не понравится?

– Придется им смириться. – Фиал улыбнулась с торжеством, зная, что наконец-то пришла пора ей повелевать братьями, как они перед этим повелевали ею все восемнадцать лет ее жизни.

– Похоже на то. – Бьярни вздохнул и пригладил волосы.

Нечего метаться, как пастух, которого на сеновале застукали с хозяйской дочкой. Фиал права: теперь он – риг Ивленна. И надо идти пожинать плоды своих усилий. Вот только предстать в первый раз перед своими новыми подданными голым и безоружным он совсем не хотел. Предполагалось, что все произойдет иначе: Фиал говорила, что сегодня ему надо будет уйти, а она завтра вызовет к себе знатнейших людей Ивленна, в том числе своих братьев, объявит им о случившемся, а он, Бьярни, должен будет на третий день после этого явиться в Старую Тетру, чтобы там быть представленным народу уже в качестве мужа наследницы и нового рига. Так полагается. И этот порядок его вполне устраивал. Но вот – похоже, что представление состоится несколько раньше.

– Ты пойдешь со мной? – Сделав шаг к лестнице, он обернулся к Фиал. – Ты же должна подтвердить, что стала моей женой.

– Хорошо. – Она откинула одеяло и подняла с пола свою нижнюю рубаху. – Помоги мне одеться.

Она, наверное, привыкла, что служанки ей помогают. Бьярни повиновался, хотя уверенная властность, прозвучавшая в голосе новонареченной супруги, его слегка задела. Как ни

влекли Бьярни уладские обычаи и уладский дух, его, воспитанного в Морском Пути, несколько коробило то, что здесь знатные женщины распоряжаются мужчиной, оставляя ему право только подчиняться.

Но сейчас в Фиал заключалась его сила и все надежды на будущее, поэтому он даже сам завязал ей ремешки на башмаках – только бы побыстрее. Внизу по-прежнему стоял шум, приехавшие теребили спящих, пытаясь понять, что произошло в башне и живы ли ее сторожа, и он узнавал голоса братьев-ригов. Они звали служанок, звали Фиал – без позволения подняться в грианан мужчины решились не сразу. Но положение было настолько тревожным, что уже не до вежливости.

Когда Бьярни, держа за руку Фиал, вышел на лестницу, то сразу увидел рига Фиаху – тот уже поднимался по ступеням, и вид у него был самый решительный. Увидев Бьярни, он остановился и изменился в лице.

– Привет тебе, брат мой, – невозмутимо произнесла Фиал. – Отчего ты вдруг приехал, ведь месяц с тех пор, как навещал меня брат наш Фиахна, еще не прошел. Привет и тебе, Фиахна! – Она заметила второго брата, подбежавшего к подножию лестницы. Весь брох был полон их людьми. – Чему обязана я тем счастьем, что ты снова навестил меня так скоро? Уж не случилось ли какой беды в бруге Мис-Бенн? Уж не пришли ли к нам те враги, которых мы ждем?

– Я вижу, кое-чего мы уже дождались, – с досадой ответил Фиаха. – Я знал! Я знал, что Ллохиль сделала большую глупость, что выболтала Фиал про этого молодчика! А Фиахна замечтался, как всегда, и вовремя не завязал клюв своей болтливой женошке.

– Но нельзя же уследить за женской болтовней! – Фиахна пожал плечами, не чувствуя за собой вины. – Это все равно что считать морские волны.

– Уж я бы уследил! Я бы ей заранее наказал, чтобы даже не смела о нем упоминать! Да и ты тоже не терял времени зря! – обратился Фиаха к Бьярни. – Поздно я сообразил, на какую охоту ты поехал!

– И что теперь? – спросил Фиахна. – Мы не успели?

– Я стала женой этого доблестного мужа, Бьярни, сына Дельбхаэм, дочери Миада Эброндоз, – с гордостью ответила Фиал. Похоже, она была безмерно счастлива уже тем, что так ловко провела братьев и добилась-таки того, от чего они прятали ее в башню. – Вы можете, мои братья, подняться в грианан и своими глазами увидеть доказательства.

– Да уж мы поднимемся, – мрачно согласился Фиахна.

Вчетвером они проследовали в верхний покой, и Фиал с удовольствием, как показалось Бьярни, предъявила братьям два маленьких, размазанных кровавых пятнышка на белом льне простыни.

– А может, у нее это... лунные дни? – с надеждой предположил Фиахна.

– Не думаю, – мрачно ответил его брат. – Раз этот молодчик здесь был, значит, все правда.

– И теперь мой муж – риг острова Ивленн! – с торжеством объявила Фиал. – И я желаю, чтобы не позже чем через три дня народ Ивленна был собран в Старой Тетре, дабы приветствовать своего нового короля!

Снизу вдруг послышались крики и боевые кличи.

– Бьярни, Бьярни, где ты! – вопил голос Ивара хёльда, сопровождаемый звоном клинков. – Держись, мы здесь, мы идем!

Бьярни бегом бросился к лестнице. Внизу уже вовсю кипела схватка: Ивар догадался оставить человека наблюдать за башней, и тот увидел, как приехали оба короля в сопровождении трех десятков воинов. И сэвейги, заметив опасность, кинулись спасать вожака.

– Стойте, стойте! – кричали одновременно Бьярни, Фиал и оба ее брата. – Прекратите!

Схватку удалось остановить: к счастью, никого еще не убили, но несколько человек с той и другой стороны уже держались за разные части тела, и между пальцев капала кровь.

– Вложите оружие в ножны! – приказала своим людям Фиал. – Отныне король Ивленна – вот этот человек, Бьярни сын Дельбхазм. Отныне он отдает приказы воинам Ивленна.

Воины сначала потрясенно помолчали, потом загудели. Восторгов никто не выражал, но и в драку не лезли. Братья-риги молчали, не подтверждая, но и не опровергая это заявление. Они могли всеми силами оттягивать наступление того события, которое отнимет у них власть над Ивленном, но теперь, когда это событие свершилось, не смели открыто нарушить законный порядок, оскорбить богов и память своей матери-королевы. Но Бьярни посматривал на них недоверчиво и настороженно, каждый миг готовый к выпадку: такое смирение казалось ему слишком подозрительным.

– Итак, я повелеваю, чтобы через три дня народ богини Ивил собрался в Старой Тетре, – произнесла Фиал с истинно королевским достоинством. – Там я представлю моему народу моего мужа и их нового рига. А вы, мои братья, отправляйтесь в бруг и проследите, чтобы на острове не осталось ни одного человека, который не был бы оповещен об этом.

– Мы посмотрим, захочет ли народ богини Ивил признать своим королем этого чужака! – Фиаха злобно смотрел на Бьярни.

– Но ведь народ уже тринадцать лет терпит королевой женщину гораздо более чужую ему, чем я, – ответил Бьярни, уверенно глядя ему в глаза. И при упоминании своей жены старший из братьев дрогнул. – Но сдастся мне, что в ближайшее время произойдут перемены. Надеюсь, риг Фиаха, твоя жена Этайн не откажется прийти в Старую Тетру заодно со всеми?

– Ты надеешься? – Фиаха криво усмехнулся. – Мало будет для тебя радости, если она придет туда, – а она придет, ибо никому мы не уступим наших законных прав!

– Не хотелось бы мне огорчать брата моей жены, но в этот день в Старой Тетре не меня, а тебя ждет неприятное открытие. Каждый предстанет там в своем истинном облике, и на землю Ивленн вернется Правда Короля.

Фиаха вдруг как-то угас и сгорбился при этих словах. Ничего не ответив, он кивком позвал за собой своих людей и вместе с братом покинул башню.

Глава 3

Сэвейги и улады с Банбы сидели за ужином в бруге Айлестар. Все пили пиво, громко разговаривали, Тови Балагур на ходу сочинял стихи, размахивая обглоданной костью:

Рыжий Эвар весел в битве,
Хоть и ростом он не вышел –
Медовуху хлещет лихо,
Над врагами насмехаясь!

– Тови, да уймись ты наконец! – умолял его Аринлейв Кудрявый, зажимая руками уши. – Подавился ты твоей медовухой, ну достал по самое не могу! Придумай наконец что-нибудь другое, третий год ты одну и ту же песню поешь!

Тейне-Де презрительно отвернулась. Она уже неплохо понимала язык сэвейгов, который целыми днями слышала вокруг себя, хотя говорить на нем не пыталась и делала вид, что ничего не понимает.

У нее выдалась возможность передохнуть: Торвард конунг ушел в грианан, ее услуги ему не требовались. Сейчас ему другая дева оказывает другие услуги...

Даохан, возле которого Тейне-Де присела, тоже украдкой бросал взгляды на потолок, будто мог увидеть через толстые дубовые доски, что там, в грианане, происходит. Каждый вечер Торвард поднимался туда и проводил там какое-то время, но за полночь снова спускался в общий покой и ни разу не остался с Элит до утра. Это внушало Даохану надежду: видимо, Торвард не испытывал к дочери Клионы особой привязанности – ничего, кроме естественного влечения молодого здорового мужчины к молодой красивой женщине. Но, хотя и сам Даохан не чувствовал к этой прекрасной гордячке сердечного расположения, она была нужна ему, и он с большим нетерпением ждал, когда же Торвард удовлетворит свой пыл, пресытится и отдаст ее ригу Банбы вместе с ее «даром власти». Ну, и даром красоты тоже.

На самом деле все было далеко не так просто, но как именно все было, даже эти двое не смогли бы рассказать, если бы и хотели. Элит проводила время в плену совсем не плохо, и ее нынешняя жизнь не так уж значительно отличалась от той, что она вела, будучи тут полновластной хозяйкой. Каждый день она навещала своего деда, который жил уже внизу, в общем покое: недавно Торвард по ее просьбе выпустил престарелого рига из сарая, где были заперты его пленные внуки и прочие домочадцы-мужчины. От старика фьялли не ожидали для себя вреда, и тот с невозмутимостью и стойкостью благородного человека ждал, когда это бедствие наконец уберется обратно за море. Иногда Элит посещала и запертых братьев: приносила еды, перевязывала раны, ободряла и утешала. Но больше она никого тут не считала достойным своего внимания и, кроме этих случаев, не показывалась из грианана. Весь день она привычно проводила за рукоделием, раздумывая о настоящем и будущем. Но когда приближался вечер, работа увлекала ее все меньше, в теле просыпалось волнение и томление, и о Торварде конунге она думала уже без всякой связи с королевствами, войнами и Каменным Троном. Когда в широком окне начинали сереть сумерки, а внизу поднимался шум пира, она с облегчением оставляла иглу, ложилась в постель и ждала. К тому мгновению, когда сквозь шум внизу ее чуткий слух улавливал скрип ступеней под его ногами, ее нетерпение достигало уже самого высшего предела. И вскоре начиналось такое, что хирдманы не слишком преувеличивали, когда говорили, что потолок трясется и им в еду падают щепки.

– Останься со мной навсегда, – совершенно искренне просила Элит, то нежно поглаживая, то целуя все его шрамы, старые и новые, в том числе тот след от пореза на его плече возле ключицы, который оставил нож Самхейна.

– Нет. Даже если и хотел бы, не могу. Я последний мужчина в роду, если я не вернусь, род фьялленландских конунгов, потомков Торгъёрда, прервется.

– Вовсе нет, – ласково убеждала Элит. – У нас будет несколько сыновей, и старшего из них ты сможешь отослать в Лохланн, чтобы он стал твоим наследником там. А здесь тебе под силу даже завоевать Каменный Трон!

– Да зачем мне Каменный Трон? У меня Фьялленланд есть. Там не так тепло и зелено, как здесь, но я привык. Уж чуть не год дома не был – скучаю.

– Но здесь ты войдешь в предания как величайший из королей!

– Я, похоже, и так войду в предания как прародитель и священный предок всех королевских родов, что говорят на языках уладов и круитне, будто сам Эохайд Оллатир. – Торвард усмехнулся своим весьма своеобразным успехам. – Я уже сделал по ребенку фрие Эрхине с Туаля и королеве Айнедиль с Фидхенна, может, и твое поле уже засеял, как знать? Так что скоро по всему Западному морю будут править мои потомки – какие еще предания нужны! А Фьялленланд я бросить не могу. Но ты ведь со мной туда не поедешь.

О том, чтобы увезти Элит с Зеленых островов, взять в свой дом или тем более продать в Винденэсе, Торвард давно уже не думал – теперь и он ясно ощущал, насколько она неотделима от земли Клионн. Разлученные, она и этот прекрасный остров, будто душа и тело, оба утратят всякую цену, сделавшись мертвыми, бесплодными и ненужными.

– Да и не уживемся мы с тобой, – продолжал он. – Скакать на себе верхом я позволяю только в постели. А в жизни поводья всегда у меня. А ты не привыкла подчиняться мужчине и никогда не привыкнешь. Хотя бы на своих ошибках учиться и у меня ума хватает, так что я уже знаю, к чему это приведет. От Даохана я вас как-нибудь избавлю. Если твоему деду нужен этот ваш Каменный Трон – пускай карабкается, я уж так и быть лестницу подержу, помогу старому человеку! – Он усмехнулся. – Только пусть обещает давать мне дань со всех пяти островов – ну, хотя бы лет пять. А там посмотрим.

– Все пять ты еще не подчинил себе.

– Ну, успею еще. Долго ли умеючи?

– Умеючи – долго! – выразительно произнесла Элит, красноречивым взглядом давая понять, что имеет в виду, и снова потянулась к нему.

Никто, разумеется, не мог знать, о чем разговаривают эти двое в грианане, но Даохан, а с ним и Тейне-Де имели на этот счет самые серьезные опасения. Уже само то обстоятельство, что Торвард и Элит могут общаться не только на языке страсти, но и на языке круитне, было весьма неприятным. И Даохан, и Тейне-Де оба подозревали, что между вспышками любовного пыла, когда потолок перестает дрожать над головами пирующих внизу, в грианане обсуждаются судьбы островов и Каменного Трона – и решаются не так, как хотелось бы ригам Банбы и Снатхи. Торвард не подпал под влияние Элит, но ему было совершенно все равно, кто в конце концов угнездится на той высокой скале, на которой, по преданию, восседал когда-то Светлый Луг. Сейчас только от его расположения зависело, кто же из островных ригов получит преимущество. Элит даже не приходилось его уговаривать и склонять на свою сторону: он сам понимал, чем может ей помочь, и сам предложил эту помощь. Он всегда испытывал благодарность за хорошее отношение к себе и давно простил Элит попытку его убить, которую в общем-то понимал и даже чувствовал уважение к девушке, наделенной такой смелостью и присутствием духа. Правда, помня об этих ее славных качествах, он так и не доверился ей полностью и не решался больше засыпать рядом с ней, о чем она жалела, но вот тут он на уговоры не поддавался и клятвы пропускал мимо ушей. Будучи человеком не только храбрым, но и осторожным, он теперь знал, что все ее ласки и улыбки вовсе не означают, что она не хочет его смерти. Отношения между ними складывались более чем теплые, но эта земля и ее богини могли преподнести любые неприятные неожиданности, а Элит ведь была их живым продолже-

нием. И Торвард не очень бы удивился, если бы однажды его страстная подруга обернулась белой телкой с красными ушами и набросилась на него.

И все же в борьбе за помощь короля Лохланна Элит имела такие неоспоримые преимущества перед другими соискателями, что эти другие каждый раз менялись в лице от досады, когда Торвард снова отставлял кубок, вставал из-за стола и уходил наверх, провожаемый одобрительными и завистливыми выкриками его верной дружины.

Между собой Даохан и Тейне-Де тоже были в какой-то мере соперниками, но общие чувства к более сильному недругу быстро помогли им найти общий язык.

– Торварду конунгу давно пора выполнить свое обещание, которое он дал мне, когда мы собирались в поход на Клионн, – говорил Даохан своей единственной здесь союзнице. При этом он то ли не помнил, то ли не находил нужным упоминать, что никаких обещаний на этот счет Торвард ему не давал, а только ухмылялся и отвечал: «Посмотрим». – Ему давно пора передать мне дочь Клионы, а с ее рукой и власть над островом. Но он выпустил из-под замка рига Миада. – Даохан бросил взгляд на седого старца, который уже оживленно беседовал о чем-то с Сёльви и Кольгримом, посадив рядом Хавгана в качестве переводчика. – Не означает ли это, что он передумал и собирается заключить союз с Домом Клионн?

– Ты спрашиваешь об этом у меня? – ядовито отвечала Тейне-Де. – Ты немного путаешь, славный герой: это не я провожу с ним время каждый день, шепча ему в ухо, чего бы мне от него хотелось.

– Я хочу посоветоваться с тобой, Дева Снатхи, поскольку боги дали тебе немало ума. Мы с тобой оба не хотим, чтобы риг Миад занял Каменный Трон. А все к тому идет. Ты видишь, лохланнцы уже его лучшие друзья.

– И чем я могу им помешать?

– Во-первых, я должен получить дочь Клионы. А чтобы Торварду конунгу было легче расстаться с ней, нужно обратить его внимание на другую женщину.

– На другую? У тебя припасена какая-нибудь новая красotka?

– Я имею в виду тебя! – Даохан выразительно посмотрел на собеседницу, дескать, что же ты сама не догадалась.

– Что? – Тейне-Де разгневалась, ее желтоватые глаза засверкали так, что, казалось, по ржым бровям сейчас проскочит пламя. – Меня? Ты намерен теперь пытаться меня засунуть к нему в постель?

– Ну, зачем так грубо! – Даохан схватил ее за руку, призывая успокоиться и говорить потише. – Послушай, я все обдумал. С Элит он просто развлекается, потому что и ее остров, и вся ее родня у него в руках, и она для него – просто пленница, почти рабыня, как сотни других. Но ты – совсем иное дело.

– Я такая же его пленница, – с досадой возразила Тейне-Де. – И нахожусь в его руках даже дольше.

– Но... Прости мой вопрос: ведь Торвард конунг... не нарушил твоей чистоты?

– Нет! – почти с ненавистью отрезала Тейне-Де, желая то ли подавить собеседника своим величием, то ли досадуя, что Торвард не находит ее привлекательной.

– Вот и прекрасно! То есть я очень рад, что ты не лишилась драгоценного дара чистоты, но к тому же это очень для нас удобно. Ты – знатная дева, обладающая всеми драгоценными дарами, и твой отец, Брикрен Дерево Побед, вовсе не является пленником Торварда конунга. Более того, риг Брикрен одержал над ним победу в честном поединке, и ты сама знаешь, какую тяжелую и опасную рану сумел ему нанести.

– Но и Торвард конунг нанес рану моему отцу. – Тейне-Де опустила глаза. – Лохланнцы рассказывали, я слышала. Они не поняли, насколько рана тяжела, но моего отца его люди унесли в куррах на руках. Эта рана может оказаться опасна, и я даже не могу быть уверена, что отец мой жив! Иначе почему он так долго не дает о себе знать?

– Это означает лишь то, что он накапливает силы и ищет союзников для решительного удара, – утешил ее Даохан, которому и самому нужен был именно такой оборот дела. – И уже вскоре мы о нем услышим – он обрушится на врагов подобно грому! И в этом случае уже Торварду конунгу нужен будет мир и союз с ним. А средство союза – его брак с тобой. Отчего же тебе не предложить ему этот союз? Он должен быть польщен возможностью завладеть островом Снатхой не как захватчик, а как муж королевы и законный владыка.

– Ты считаешь меня глупой или сам не понял этого человека, хоть и держишься возле него столько времени?! – язвительно отозвалась Тейне-Де. – Ему совершенно безразлично, по какому праву он владеет тем или иным. Он признает только силу, и чем больше у него силы, тем больше прав он себе присваивает, не заботясь, что об этом думают остальные. Даже если бы я отдала ему мою руку, этим я обездолила бы родного отца, а Торварду все равно не смогла бы дать ничего такого, чего он еще не взял сам.

– Но мы должны попытаться. Или ты предпочитаешь сидеть тут сложа руки, в то время как он там наедине с Элит решает судьбу Зеленых островов? Решает так, как выгодно Дому Клионна?

– И в чем должны заключаться наши попытки?

– Ты должна переговорить с ним и предложить ему союз с тобой и твоим отцом.

– Я не стану этого делать! Не желаю выставлять себя на посмешище.

Тейне-Де была достаточно умна и понимала, что если Торвард не обращал на нее внимания все то время, что она находилась в полной его власти, и даже не пожелал сделать то, что почти всякий завоеватель сделал бы с молодой пленницей, пусть и не слишком красивой, то едва ли его теперь прельстит брак с ней. А предлагать ему себя, когда он только что покинул объятия Элит, для Тейне-Де означало ставить себя в еще более невыгодное положение. Даже, допустим, надежды Даохана сбудутся и Элит Торварду надоест. Для разнообразия он может взять ее, Тейне-Де, на освободившееся место в той же постели. Но это совсем не то, что нужно знатной благородной деве, и Тейне-Де не собиралась сама наводить его на эту мысль. Даохану же никак не удавалось убедить ее, что ради дружбы с ригом Брикреном Торвард все же предпочтет ее более красивой и страстной сопернице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.